

Игра началась: победит та, которая разобьет
самое большое количество сердец.

Коллекция Поцелуев

ВЕНДИ ХИГГИНС

trendbooks

Венди Хиггинс

Коллекция поцелуев

«CLEVER»

2018

УДК 82-311.3
ББК 84(7Coe)

Хиггинс В.

Коллекция поцелуев / В. Хиггинс — «CLEVER»,
2018 — (trendbooks)

ISBN 978-5-00115-882-0

Измена парня и разваливающийся брак родителей. Повод перестать верить в любовь и отношения? Причина не унывать и немного развлечься! Зэй Монро и ее подруги решили собрать свою коллекцию поцелуев! Игра началась: победит та, которая разобьет самое большое количество сердец. Правила просты: с одним парнем – только один поцелуй, никакой влюбленности, никаких отношений. Зэй дает обещание перецеловать как можно больше парней. Спортсмены, музыканты, поэты и плохие мальчишки... Зэй не откажется от поцелуев, даже несмотря на скандалы дома, проблемы на учебе и обиды друзей. Но что, если не все парни настолько плохи? Зэй рискует разбить сердце того, кто этого совсем не заслужил.

УДК 82-311.3

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-00115-882-0

© Хиггинс В., 2018

© CLEVER, 2018

Содержание

Выпускной год	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Глава пятая	25
Глава шестая	29
Глава седьмая	32
Глава восьмая	34
Весенние каникулы	37
Глава девятая	37
Глава десятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Венди Хиггинс

Коллекция поцелуев

*Студентам Потомакской старшей средней школы в Дамфрисе,
штат Виргиния, Бывшим, нынешним, будущим. Дерзайте мечтать.
Этот мир принадлежит вам.*

Оригинальное название: Kiss collector

Published by arrangement with HarperCollins Publishers

Text Copyright © 2018 by Wendy Higgins

© Анастасия Дружининская, художественное оформление

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2019

Выпускной год

Неделя до весенних каникул

Глава первая

ПОСЛЕ ВОСЬМИ МЕСЯЦЕВ нежных ухаживаний я наконец поддалась на уговоры Уайли. Конечно, не все его надежды сбылись, но для него я сделала то, чего не делала никогда прежде. Не могу сказать, что мне это понравилось, в отличие от него. Он получал гораздо больше от других девушек, хотя они даже не были его официальными подружками. Уайли – человек-праздник. Душа и тело любой вечеринки. Этот парень может украсть пиво из чужого гаража и убежать, хохоча на всю улицу, пока вдогонку ему летят гневные вопли взрослых. Но когда мы вместе, он хороший. Я знаю другую его сторону, ту, что он не показывает другим, добрую и ласковую. Я люблю его и хочу показать ему свою любовь.

Это случилось неделю назад, на вечеринке, и теперь предстояла первая встреча после того, что произошло между нами. Мы ходим в старшие школы, соперничающие между собой. Он живет в более респектабельной части нашего округа в северной части штата Виргиния. В «Хиллсайд-Хай», где он учится, каждый день словно показ мод. Я живу в более скромной и многонациональной части нашего округа, а ученики «Пиктона» ходят в школу в простеньких свитерах и участвуют в рэп-баттлах друг с другом прямо в коридоре со шкафчиками в перерывах между занятиями. Несмотря ни на что, я люблю «Пиктон». Уайли же, напротив, совсем не гордится своей школой. Он отличный футболист и играл за школьную команду, но его вышибли оттуда в прошлом году, в десятом классе, за плохие оценки. Он относится к учебе как к затянувшейся шутке, с нетерпением ожидая ее окончания.

Я припарковала наш старенький семейный минивэн напротив кирпичного дома и пошла вдоль стриженной лужайки. В марте погода бывает не подарок, но сегодня она была отличная. То есть не слишком холодная. Хотела бы я, чтобы кто-нибудь из моих девчонок поехал со мной, но у всех были дела по дому, да и я решила ехать в последний момент.

Уайли не знал, что я приду. Рука так и тянулась к телефону, раз уж мне все-таки вернули его, написать Уайли, что я приду, но я хотела сделать сюрприз. Я должна была сидеть под домашним арестом без телефона – папино наказание, – но мама в эти дни была снисходительнее обычного. Избыток утренних смен в пекарне сделал свое дело. В любом случае, не хочу сейчас думать о семейных дразгах. Я здесь, чтобы оттянуться и порадовать своего парня.

Через Уайли я познакомилась с кучей ребят из «Хиллсайда», но ни с кем так и не подружилась. Я постоянно ловила на себе снисходительные взгляды девчонок оттуда, из-за моих кудрявых каштановых волос, собранных в хвост, и недорогих джинсов, в которых, кстати, мой зад выглядел ничуть не хуже, чем в дизайнерских. Мне не нужно было их одобрение, в своей школе я знакома чуть ли не с каждым и, когда иду по коридору, чувствую, что в «Пиктоне» меня любят. Здесь же я только ради Уайли. Его широкая улыбка и заразительный смех прогоняют все дурные мысли. Даже спустя столько времени вместе я жажду его внимания.

Руб первым из друзей Уайли встретился мне в этом душном, битком набитом людьми здании. Фу! Здесь воняет потом и алкогольными коктейлями, безумный микс соленого и сладкого. Руба трудно не заметить: он возвышается над толпой, словно угрюмый великан. Из всех друзей Уайли он нравится мне меньше остальных. Несколько месяцев назад Руб дал мне понять, что не одобряет мое влияние на Уайли, ведь как только мы начали встречаться, он все реже стал ходить на тусовки. Но я не держу Уайли на поводке. Он делает то, что хочет, и предпочел меня своим вечеринкам. Конечно, он не признал бы этого перед своими друзьями.

– Где Уайли? – Я решила не любезничать с Рубом.

– Ну, привет, мисс Не-такая-уж-недотрога.

От его ухмылки у меня скрутило живот.

– Что? – спросила я в недоумении. А затем меня как громом поразило, и мои щеки вспыхнули.

Уайли сказал ему?! О господи! Я не стала просить, чтобы он не трепался об этом, надеясь, что он и сам догадается. Эти идиоты вообще границ не знают!

– Долго же ты ломалась.

Руб запрокинул голову, допивая пиво. Я показала ему средний палец, что делаю крайне редко, он отпустил едкий смешок. Я развернулась и пошла петлять по коридорам, лишь бы уйти подальше от этого придурка. Я прибыю Уайли за это. Уже представляю, как он пытается отшутиться: «Малыш, не обращай внимания, он просто дразнится, ты же знаешь», – и все в таком духе. Уайли, ты покойник.

Я заметила Джейда, другого его приятеля. У Уайли довольно разношерстная компания. Он сам на одну половину доминиканец, на другую – гаитянин с прелестными веснушками на носу и щеками невинного ребенка. Руб – неуклюжий парень, которого взрослые ошибочно принимают за большого и вежливого плюшевого мишку. Джейд же типичный бритоголовый металлист. Они выросли на одной улице, и у всех троих денег выше крыши. Родители никогда им ни в чем не отказывали. И, по-моему, это отвратительно.

– Джейд! – окликнула я его. Он неуклюже качнулся в моем направлении. Да он совсем пьян!

– А, это ты, Зэй! Как дела, красотка?

Его голос был слегка хриплым от количества выкуренных сигарет. С этими словами он обхватил меня худой рукой за шею, чмокнул в щеку.

– Не думал, что ты придешь.

– Я тоже. Ты не видел Уайли? – спросила я, брезгливо вытерев щеку.

– М-м...

Его взгляд устремился по коридору и вновь вернулся ко мне.

– Не-а. Посиди пока со мной и глотни пивка. Уверен, он скоро подойдет. Ты звонила ему?

– Нет, хотела сделать сюрприз.

Джейд провел рукой по своей гладкой голове и странно усмехнулся. Живот свело от нехорошего ощущения.

– Что-то не так? – настороженно спросила я.

– А? Не, все нормально. На-ка вот, выпей. – Он попытался протянуть мне банку, но я отрицательно покачала головой.

Видите ли... все дело в том, что мы с Уайли в последнее время часто ругались из-за его... нового развлечения. Он экспериментировал с различными наркотиками, когда мы были не вместе, поэтому я за него волнуюсь. У парня совершенно отсутствует самоконтроль, и это может плохо кончиться. Я начала нервничать. Вполне вероятно, что сейчас он курит или нюхает какую-нибудь дрянь где-то здесь, хотя и обещал мне больше этого не делать. От одной мысли меня бросает в дрожь. Когда взгляд Джейда вновь нервно устремляется по коридору, я разворачиваюсь и иду в том направлении, игнорируя его оклики.

– Да ладно тебе, Зэй, расслабься. Выпей со мной! Я останавливаюсь у двери, из-под которой пробивается тонкая полоска света. Я прикладываю ухо к двери и слышу звуки какой-то возни внутри, стучусь.

– Занято.

Это был голос Уайли, и от его звука я завелась не на шутку. Если он опять под кайфом, мы расстанемся. Я стучу снова, на этот раз сильнее.

– Чувак, отвали! – На этот раз в его голосе присутствуют нотки удовольствия.

– Уай, это я, – произношу я, пытаюсь скрыть раздражение.

Я слышу, как он шепчет: «Зараза!» – и мое сердце вздрагивает.

– Секундочку! Я тут просто... болтаю кое с кем. Затем следует еще больше шепота и возни.

Сердце стучит так, будто готово вырваться из груди. Я скрещиваю руки, жду, и вот дверь слегка приоткрывается. В животе разливается приятное чувство, как и всегда при виде его гладкой смуглой кожи и выющихся черных волос.

– Привет, детка, что ты здесь делаешь?

Он улыбается. Взгляд ясный, глаза не покрасневшие. Я вздрагиваю от осознания того, что он занимался чем-то менее невинным, нежели травка.

– Сюрприз, – говорю я, по-детски разведя руками. Он продолжает выглядывать в приоткрытую дверь.

– Я тут заканчиваю говорить кое с кем об одном очень важном деле...

Все, хватит с меня этой брехни.

– Что ты там делаешь, Уайли?

– Ничего. Правда. – Снова эта улыбка во весь рот. – Просто разбираюсь с одной школьной проблемой, я уже почти закончил. Можешь сбегать и принести мне что-нибудь выпить? – спрашивает он, беззастенчиво глядя на меня. – Пожалуйста, малыш! К твоему возвращению я уже со всем разберусь, и мы сможем вместе оттянуться.

Я едва сдерживаю саркастический смешок.

– Конечно, я мигом.

Отхожу в сторону, и он закрывает дверь. От волнения чувствую, как по телу начинают стекать капельки пота, пока я стою посреди коридора и жду. Десять секунд спустя дверь резко открывается, и оттуда вылетает девушка, хихикая и нашептывая что-то. На вид ей лет четырнадцать или пятнадцать. Выющиеся волосы и большие карие глаза. Какого черта? Он нанюхивался с первогодкой?

Время замедляется, когда я вижу, как она тянется к рукам Уайли. Он выходит следом, приложив палец к губам и слегка подталкивая ее. Затем оба ловят на себе в полумраке мой свинцовый взгляд и замирают. Это были не наркотики. Другая девушка. Сердце бешено стучит в груди и взрывается, затем останавливается и будто падает вниз, пламенем обжигая горло. Горечь. Осознание. Ревность. Уайли всегда был плохишом, если речь шла о запрещенных законом вещах, но измен за ним никогда не замечалось. Или замечалось?

Девушка начинает пятиться, словно испугавшись, ее взгляд мечется между ним и мной. Она в конце коридора, в тупике. Я сверлю Уайли взглядом. Он стоит, потупившись, как и всегда, когда оказывается в заднице.

– Что за?... Что происходит, Уай?

Он берет меня за руку, и я позволяю ему, потому что я его девушка, и он может и должен меня касаться.

– Говорю же, мы просто разговаривали, – произносит он быстро и нервно.

Я хочу верить ему. Есть вероятность, что так и было, правда же? Но взгляд той девушки, виноватый и полный ужаса, сложно проигнорировать. Я вырываю руку из его руки и подхожу вплотную к ней. Запугивание не совсем в моем стиле, но мне нужны ответы.

– Эй... – пытается меня окликнуть Уайли.

– Ты целовалась с моим парнем? – спрашиваю прямо в лоб.

Меня подташнивает. Ее лицо становится еще более испуганным, если это вообще возможно. Молчание. Вместо ответа она начинает хныкать и бросать взгляды на Уайли, стоящего за моей спиной. Живот крутит все сильнее. Коридор позади нас постепенно начинает наполняться людьми.

– Что вы там делали?

– Я не знала, что у него есть девушка... – Она снова смотрит на Уайли.

– Ну хватит, Зэй. – Он пытается обнять меня за талию сзади, но я, не оборачиваясь, бью его по руке.

– Как тебя зовут? – Я понижаю тон, пытаюсь говорить ласково и по-дружески.

– Ивон, – едва дыша произносит она.

– Хорошо, Ивон. – Меня трясет. От злости я со всей силы сжимаю кулаки. – Скажи мне честно...

– Зэй! – Уайли окликает меня чуть громче. – Хватит. Пойдем поговорим.

Я не обращаю на него внимания, продолжая смотреть на девушку. Сначала нужно отбросить худший сценарий.

– Вы занимались сексом?

Скажи, что нет. Она сглатывает слюну и прикрывает рот рукой, словно прячется от меня. Прошу, просто скажи нет. Почему она молчит?

– Просто ответь на вопрос. – Я стараюсь говорить спокойно, хотя внутри у меня все бурлит.

– Зэй, детка, пойдем. Ты пугаешь ее. Я ведь уже сказал, что...

– Заткнись! – рывкаю я на него, на мгновение мотнув головой в сторону его шокированной рожи, и снова поворачиваюсь к девушке.

Она начинает плакать.

– Прости меня! – внезапно говорит она. – Я не знала! Я думала... – Она смотрит на Уайли, взгляд выдает ее. – Он сказал...

– Уходи, – перебивает ее Уайли. – Ивон, уходи!

– Нет. – Я делаю шаг в ее сторону, она прижимается спиной к стене. – Что он тебе сказал? Она всхлипывает, продолжая плакать, не зная, что у меня и в мыслях нет бить ее.

– Он сказал, что вы расстались.

Желчь подкатывает прямо к горлу. Дыхание почти останавливается. Даже я с ним не спала.

– О господи. – Уайли запрокидывает голову назад, закрывая глаза ладонями.

Мысли путаются у меня в голове. Несколько мгновений мы втроем стоим неподвижно, будто пытаюсь проснуться после ночного кошмара. И тут мысли потоком врываются в мою голову. Прошлый уик-энд ничего для него значил! Я-то думала, что мы с ним стали близки как никто другой, что между нами произошло нечто большее, чем простые гулянки. Однако, видимо, этого оказалось недостаточно. Меня было недостаточно.

Почему он не мог просто накуриться, как обычно? Почему именно это? Я бы стерпела что угодно, но только не это! Я живо представила себе, как они обнимаются, как они... Тут я чуть было не упала в обморок. Голова шла кругом. Мне срочно требовался глоток свежего воздуха. Я прошла мимо Уайли, протискиваясь через толпу собравшихся поглазеть ребят, не обращая внимания на оклики. Прохладный весенний воздух сразу же привел меня в чувство. Горячие слезы катились по щекам, пока я бежала по газону. Ненавижу аккуратные, будто плюшевые, газоны. Они фальшивые. Не могу поверить, что он так поступил со мной. Он меня любит, я знаю. Моя первая любовь. Я думала, это любовь навечно. Я бы никогда не изменила ему.

Шум и гул голосов доносятся до меня, когда входная дверь распаивается и захлопывается.

– Зэй! Детка, подожди!

Я не останавливаюсь, даже когда слышу его шаги. Он обгоняет меня и хватается за плечи, выглядит обезумевшим. Да нет. Ничего его не колышет. Мое глупое слабое сердце начинает покалывать.

– Прости меня. – В его дыхании я почувствовала запах алкоголя. – Мне так жаль, малыш. Я перепил. А потом она заговорила со мной. Понимаешь, Зэй, она целый год клеится ко мне.

А сегодня... Не знаю, что на меня нашло. Она напомнила мне о тебе. Я скучал. Клянусь, я думал только о тебе все время.

– О господи, Уайли! – Я начинаю плакать. – Это ненормально! Во-первых, ты нравишься этой бедняжке, а ты обманул ее, чтобы просто переспать с ней! Каково было бы тебе, если бы я переспала с другим парнем?

Он морщится.

– Ты бы не стала. Ты хорошая. А я... ты же знаешь, я не такой сильный, как ты. Просто не могу остановиться.

Его голос прерывается, он нервно хватается за волосы, а я хочу убить его за то, что сейчас он впервые по-настоящему серьезен и откровенен. На самом деле мне хочется прижаться к нему со всей силы, пусть это и неуместно. Хочу сказать ему, что он тоже может быть хорошим. Сказать, что мы справимся с этим. Я хочу сама поверить в это, но не поверю. Невинность наших отношений уже не вернуть.

– Есть такая штука, называется самоконтроль, Уай. Ты мог бы быть сильным, если бы захотел, но ты думаешь только о себе. Ты хочешь только веселиться, и тебе плевать, кого ты при этом ранишь. Так вот, с меня хватит! Мне надоело тебя прощать. Я не собираюсь ни с кем тебя делить. Пьяный или нет, ты совершил ошибку. Ах да! Ты рассказал Рубу, что мы с тобой делали! – В гневе я толкаю его в грудь.

Он широко распахивает глаза, нервная улыбка скользит по лицу.

– Я не хотел. Просто... ты такая классная и...

– Заткнись! – Мои руки сжимаются в кулачки. – Просто заткнись! Я ненавижу тебя, Уайли. Прочь с дороги.

Я побежала мимо него по тротуару.

– Зэй!

– Отстань!

Я кричала, на террасе соседнего дома загорелся свет: мы нарушили их покой. Уайли не пытался меня остановить. Он лишь жалобно тараторил мне вслед, пока я заводила машину. Я ехала прочь от него, от ухоженных лужаек, огромных особняков и дорогих машин избалованных отпрысков. Проклятье. Никогда не чувствовала себя такой дешевкой. Мной просто пользовались. Глупо. Отвратительно. А хуже всего было ощущение, будто я потеряла что-то очень важное, и мое сердце металось и рвалось назад, пытаюсь это вернуть. Я уже скучаю по Уайли.

Глава вторая

НЕНАВИЖУ СТЕРЕОТИПЫ. ОСОБЕННО про девочек-чирлидеров – якобы все они заносчивые сучки, невыносимые тупицы или просто шлюхи. Мы с девчонками чирлидеры, но ничего общего с вышеперечисленным не имеем. Про нашу компашку можно хоть сейчас кино снимать. Веселые, с огоньком, и все такие разные. А самое главное – мы просто лапочки... по крайней мере четверо из нас. А еще мы умные, не так чтобы очень, но все же. И все девственницы, хотя и не совсем невинные. Взять, к примеру, нашу с Уайли ночь. Глупый Уайли. Сердце и живот ноют, пока я бездумно таращусь на белую доску в классе. Дурацкий понедельник. Дурацкая математика.

После того как мы порвали, мои девчонки ни на шаг от меня не отходили. В воскресенье они уже были у меня со всем необходимым. Моника принесла домашние чуррос – ее мама знает, как я их люблю. Лин весь вечер потчевала меня мемами в стиле «Парни отстой». Ну и куда без Кензи с ее плей-листом хип-хопа восьмидесятых. Мы слушали его, валяясь у меня в комнате на кровати, пока Лин возилась с моими непослушными кудряшками, пытаюсь собрать их в хвостики. Мы все перепачкались корицей и сахарной пудрой и любовались постерами на стенах комнаты. На постерах изображены те места, где я хотела бы побывать: Париж, Буэнос-Айрес, Эдинбург, Дублин, Прага, Тоскана, швейцарские Альпы – и это еще не все. Все стены завешаны.

– Зэй? – Голос математички звучит как будто издалека, но тут Кензи толкает меня локтем, и я понимаю, что снова витала в облаках посреди урока. Щеки заливают краска, так как весь класс уставился на меня.

– Да, мисс Лейн?

– Что у тебя в номере семь?

– М-м... – Я опускаю взгляд в тетрадь по тригонометрии. Треугольники, к счастью, в этом я разбираюсь. – Сторона АС равна десяти?

Она кивает и снова поворачивается к доске. Я выдыхаю, и сердцебиение утихает. Мы с Кензи потихоньку стучаемся кулачками, ее смуглые пальцы и мои светлые. Мы терпеть не можем тригонометрию, но на этот раз обошлось.

Весь день я хожу, как разбитая. От грусти сводит живот. Вообще все тело сводит. Утром я вскочила ни свет ни заря и так и не смогла уснуть. Пошла на кухню взять чего-нибудь попить и нашла папу спящим на диване в гостиной. Он попытался было вскочить и отбросить одеяло, сделав вид, будто он всего лишь сидел, но я все поняла. Раз уж он спит на диване, значит, они поругались с мамой. В который раз.

– Привет, малышка Зэй. Я пришел поздно ночью и решил не беспокоить маму, – неуверенно пробормотал он, потеряв заспанное лицо.

Не думаю, что пришедшего после ночной смены мужа, осторожно забирающегося в постель, можно считать серьезным беспокойством, но сама я замужем не была, так что откуда мне знать?

Папа в прошлом году потерял работу менеджера по продажам в торговом центре, так что сейчас он менеджер в барбекю-ресторане. Проблема в том, что получать он стал меньше, так еще и работать приходится в том числе в ночные смены. Я понимаю, как это паршиво и тяжело, но родителям приходится смириться и выкручиваться. Мы с братом, восьмиклассником Зебедаей, хотели бы большей стабильности в нашей жизни.

К счастью, эта неделя – последняя перед весенними каникулами. И, ура, нет чирлидерских тренировок: баскетбольный сезон закончился. Отборочные состязания начнутся всего лишь через два месяца, но пока смело можно сказать, что я свободна.

С Лин, Моникой и Кензи мы встретились, как обычно, около шкафчиков учеников младших классов. Девчонки обсуждали что-то вполголоса, но мгновенно стихли, едва завидев мою приближающуюся кислую мину. В тот же момент все трое бросились меня обнимать.

– Чтоб этому гаденышу Уайли яйца оторвало, да побольнее.

Ох уж эта милашка Лин.

– Он тебя не заслуживал. – Наша феминистка Моника. – Тебе будет намного лучше без него.

Кензи молча кивнула в знак солидарности с подругами, глаза ее были на мокром месте при моем появлении.

– Спасибо, девчонки, – чуть слышно прошептала я.

Толпа наших одноклассников потихоньку обступила нас, у некоторых было заметно неподдельное сочувствие, другие же просто подошли полюбопытствовать.

– Так ты порвала с ним?

– Да уж, хреново вышло.

– Мне жаль, Зэй.

Затем следуют дружеские объятия, я стараюсь держаться, но это чертовски тяжело, когда вокруг только и слышишь: «...изменил ей с малолеткой!» – и все в таком духе с жалостными взглядами. В горле будто ком стоит.

– Все в порядке, – вяло отвечаю я.

Не думайте, что я не заметила, как изменился взгляд парней на меня. Будто в мясную лавку завезли свежую тушу. К счастью, звенит звонок, и толпа потихоньку рассасывается, оставляя нас с девчонками одних.

– Итак, получается, ты теперь снова одна, – замечает Лин.

– Выходит, так, – отвечаю я. – И впредь будет только так.

Девочки скептически переглядываются.

– Серьезно, – не отступаю я. – Больше никаких парней. Ни за что.

– Как скажешь. – Кензи нежно гладит меня по руке, и я невольно начинаю злиться.

Звучит второй звонок, и мы расходимся. Всего неделя до весенних каникул. Я справлюсь. Плюхаюсь за парту, и начинается урок английского.

– Откройте учебники на странице триста семьдесят, – бодро начинает урок миссис Уорфилд. – На этой неделе мы займемся современной поэзией.

Весь класс, включая меня, недовольно вздыхает.

– Но ведь уже почти каникулы! – возмущается один из футболистов на задних партах.

Качок Джек Райнхарт. Про него скажу лишь, что иногда стереотипы все же попадают в точку.

Миссис Уорфилд позабавили наши жалобы. С улыбкой она раздала нам листочки с заданиями. Затем объяснила, что нам предстоит. Мы должны были «позволить раскрыться своим эмоциям, выплеснув их на бумаге в виде нескольких тщательно подобранных слов». Позади меня Джек Райнхарт упал головой на парту. Первым заданием было описать свои эмоции в виде короткого стихотворения. Я раздраженно смотрю на пустой лист передо мной. Для творчества у меня нет никакого настроения. Эмоции, кипящие сейчас внутри, вряд ли понравятся миссис Уорфилд.

– Вы можете даже зарифмовать ваши мысли, но это вовсе не обязательно, – добавила миссис Уорфилд. – Сконцентрируйтесь на чем-нибудь хорошем, подумайте о грядущих каникулах, праздниках и так далее. Или же на чем-нибудь плохом, на своих утратах и прочих несчастьях.

Против моей воли в голове появляется отчетливый образ. Я живо вспоминаю родителей одним рождественским утром, когда мы с Зебедаей были еще совсем детьми. Мама сидела на коленях у папы, пока мы с братом открывали подарки. Я помню, как прекрасно они выглядели

вместе тем утром. Они любили друг друга. Их пальцы были переплетены, а папа постоянно целовал мамину руку, словно бессознательно...

Я отдала бы все на свете, чтобы вновь увидеть их такими. Они уже давно не проявляют никаких чувств друг к другу. Оба с головой ушли в работу, чтобы хватало денег на оплату счетов. Я всего лишь хочу, чтобы они снова были счастливы.

Внезапно я осознаю, что моя рука уже пишет на бумаге слова, возникающие в голове. Появляется странное ощущение легкости. Не могу сказать, что я творческая личность. А вот иностранные языки – это определенно мое. Поток слов, выходящий из-под руки, одновременно удивлял и завораживал меня. Я едва слышала, что говорила миссис Уорфилд.

– Объем не имеет значения. Я просто прошу вас выразить свои чувства в нескольких строчках. У вас пятнадцать минут.

Мне хватило и десяти. Не подумайте, что я выдавила из себя жалкое четверостишие. Меня хватило на большее. Вновь и вновь перечитывая то, что получилось, я всякий раз ощущала, как эмоции захлестывают меня. Я убираю слова и меняю их местами, хочу, чтобы каждая строчка в точности передавала ту ностальгию, которая переполняла меня в тот момент.

– Итак, класс, – начала миссис Уорфилд, – теперь пришло время работы в парах. Но, учитывая горький опыт прошлого раза, сегодня я сама вас расскажу.

Пока она разбивала нас на пары, класс снова зашелся волной недовольных вздохов и оханий.

– Зэй Монро и Дин Прескотт.

Мое сердце бешено заколотилось. Клянусь, именно бешено, что было весьма странно, если учесть, что, пока мы были с Уайли, на других парней я даже не смотрела. Дело в том, что Дин был одним из моих многих бывших еще со времен девятого и десятого классов.

Его соседка встала, и я заняла место рядом с ним.

– Привет, – сказала я.

– Привет.

Я украдкой оглядела его. Дин был здоровый парень. Тоже футболист, но к нему стереотипы не имели никакого отношения, он был добрым и неглупым. А насчет здорового еще мягко сказано. Ростом под два метра и шириной с дверной проем. Не буквально, конечно, но можете себе представить. Мощные плечи и широкая грудь. Тело атлета вкупе с милой улыбкой и вьющимися каштановыми волосами.

Он смотрел на меня, будто пытаясь прочесть мои мысли, и я отвела взгляд. Мне стало стыдно от того, что Дин казался мне привлекательным, но это чувство быстро улетучилось, а голос в голове буквально кричал: «Ты теперь свободна и имеешь полное право заглядываться на любых парней!» От этой мысли я почувствовала себя лучше.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Да, – закашлялась я.

В классе стало шумно, и миссис Уорфилд пришлось слегка повысить голос, чтобы докричаться до нас. Она хотела, чтобы мы обменялись нашими стихами и оценили друг друга «по справедливости». Все, что она сказала после этих слов, я не слышала, потому что кровь стучала у меня в висках. Я не могу дать прочесть свое стихотворение ни Дину, ни кому бы то ни было другому. Это слишком личное. Этого я не рассказывала даже Лин, Монике и Кензи. У всех бывает, что родители ссорятся. Понятия не имею, с чего вдруг я решила написать дурацкий стих именно об этом.

Листок лежал передо мной текстом вниз, и когда Дин потянулся, чтобы взять его, я резко прижала стих к груди. Глаза у меня чуть из орбит не вылезли.

– Ой, извини, – произнес он.

– Нет-нет, ничего страшного, просто... там все плохо. Вышла полная ерунда. Я не знала, что мы будем ими меняться.

Я жутко покраснела. Он посмотрел на меня так, будто понял, что я вру.

– Бывает, у меня тоже полный отстой.

Голос у него был чертовски низкий. Я прикусила губу, глядя, как он скрестил руки над своим листком и поигрывал бицепсами. Какое-то время я просто не могла оторваться от этого зрелища, а когда я все же посмотрела на него, он ответил мне улыбкой, нарисовавшей две чудные ямочки на его щеках. Когда он только переехал к нам, в восьмом классе, мы были напарниками по лабораторным работам, и я прожужжала ему все уши, пытаюсь разговорить его. Я всегда задавалась целью разговорить какого-нибудь тихоню.

– Хочешь, могу взглянуть? – кивнула я в сторону его стихотворения.

– Только если ты дашь мне. – Он моргнул. – Ой, я не то имел в виду.

Его уши покраснели от смущения, пока я заливалась смехом. Он виновато усмехнулся, покачивая головой.

– Я хотел сказать, если хочешь почитать мое, дай мне прочесть твое.

– Не пойдет, – отрезала я.

– Почему ты так стесняешься? Не бойся, я не буду судить строго.

Мне вновь стало смешно, но я лишь покачала головой.

– Поэт из меня никудышный.

– Как и из всех присутствующих. Скажи хоть, о чем там? Про твоего парня?

– Не... – Я замолкаю, не успев начать. Будь проклята эта дурацкая горечь в горле в самый неподходящий момент. – Мы расстались.

– Ох! – Он замолчал, изучающе глядя на меня. – Прошу прощения.

– Да уж... Ах да, стих. Я написала про Рождество, когда была маленькой, и про свою семью. Полная чушь.

По его взгляду я поняла, что он не повелся на это.

– Ну хорошо, – сказал он. – А у меня про девушку, которую я знал.

Если бы я была собакой, мои уши после этих слов вмиг бы наострились.

– О ком это?

Он беспечно пожал плечами. Так, теперь я просто обязана прочесть его стих.

– Та девочка, которая ушла от нас после прошлого года? Из Бруклина? – спросила я.

Его лицо чуть исказилось.

– Из Бронкса. Да, это про нее.

Это заинтриговало меня еще больше прежнего.

– Ну дай почитать, пожалуйста! – С этими словами я слегка наклонила голову и картинно надула губки.

Его взгляд остановился на моих губах. Да! Все-таки Дин восприимчив к моим чарам! Его рука тянется к листку, но, как только пальцы прикасаются к нему, он резким движением притягивает его к себе.

– Нет уж, только если ты дашь свое.

Черт, почти получилось! Мне действительно очень хотелось почитать про эту девочку. Кажется, ее звали Дженна. Слишком милое имя для нее, как по мне. Ходили слухи, что ее отправили сюда, в Виргинию, к дяде и тете, так как в Нью-Йорке ей грозил интернат для неблагополучных детей. У нее был жуткий акцент, и она постоянно хмурилась. Лично с ней мы не были знакомы, поскольку ходили на разные предметы, а спустя какое-то время я узнала, что она уже вернулась в Нью-Йорк. За четыре месяца, проведенные в нашей школе, она успела дважды серьезно подраться, а Дин был единственным человеком, с которым она разговаривала. Поговаривали даже, что у них было «это». И не раз.

– Итак, класс! – внезапно раздался голос миссис Уорфилд. – Закругляйтесь, сейчас уже прозвенит звонок. Не забудьте положить ваши стихотворения мне на стол, когда будете уходить.

Я попыталась изобразить подобие гнева, повернувшись к Дину, давая ему понять, что в этот раз его взяла, но это еще не конец. Он хмыкнул.

– Не выйдет, девочка. Ты слишком милая, чтобы напугать меня.

Я перестала дуться. Дин Прескотт только что сказал, что я милая. Вообще-то он всегда был дружелюбным, но это уже больше походило на флирт. Прежде чем я успела придумать, как мне отшутиться в ответ, прозвенел звонок, а Дин уже двинулся к выходу вместе со своим стихом. Однако я все же успела заметить, к своему удовольствию, что его уши снова слегка покраснели.

Глава третья

Я РАЗВОЖУ ЛИН, МОНИКУ И КЕНЗИ после уроков по домам. Лин еще не получила права, у мамы Моники только одна машина, а Кензи в первую же неделю после того, как получила права, снесла почтовый ящик около дома и теперь боялась садиться за руль. Это было три месяца назад.

Мне нравилось развозить девчонок, по крайней мере им не было стыдно садиться в наш старенький минивэн, которому случалось заглохнуть при первом повороте ключа зажигания. Я высаживаю каждую около дома и еду в наш район плотно стоящих друг к другу небольших кирпичных домиков, по пути встречаю своего брата Зебби, который в этот момент как раз выходит из автобуса, развозящего учеников средней школы. Как только я вижу его каштановые кудряшки, машу ему рукой, и он запрыгивает ко мне в машину. Каждый день я подвожу его пару шагов до нашего дома в конце улицы. Мы живем в старом районе, рядом с лесом, который пока еще не вырубili, чтобы построить новые дома и магазины. Зеб плюхается на сиденье рядом со мной и, скрестив руки, хмуро глядит в окно.

– Что случилось? – спрашиваю я. – А ну-ка, пристегни ремень.

– Ты серьезно? Нам ехать всего минуту.

– Неужели не видел, как тут иногда гоняют? И вообще, чего это ты такой угрюмый сегодня?

Ответом мне было невнятное бормотание. Машину пришлось поставить на гостевую парковку, поскольку машины родителей заняли наши два места. Как же хочется, чтобы у нас был гараж. Когда мест совсем нет, приходится парковаться через улицу, а то и через две, а затем под дождем бежать до дома.

Зеб потянулся было к ручке двери, но я перехватила его руку.

– Расскажи мне, что случилось, – спокойным голосом попросила я.

Он громко вздохнул.

– Этот мальчик в автобусе – настоящий дебил!

Ого!

– Не говори так. Что он тебе сделал?

– Каждый день одно и то же: «Чувак, твоя сестра та еще штучка. Познакомишь нас?» А когда я прошу его заткнуться, он только смеется и продолжает. Он говорит, чем хочет... ну, ты понимаешь... заняться с тобой.

Понятно, один из тех мальчишек. Я готова рассмеяться от одной мысли о том, что какой-то малолетка хочет меня, но сдерживаюсь при Зебе. Его щеки полыхают от гнева. Ох, мой милый маленький защитник.

– Как его зовут?

– Роб.

– Тот, с которым вы вместе занимались бегом? Я думала вы с ним не разлей вода.

– Так и было. Вроде того. Он и раньше болтал, не затыкаясь.

– Зебби, не обращай внимания на этого дурака. Он просто пытается довести тебя. Знает, что именно тебя бесит, и считает, что это смешно. Бывают и такие люди.

– Клянусь, когда-нибудь я надеру ему задницу. – Зеб заскрипел зубами.

Я потрепала его по голове и открыла дверь.

– Не говори так, это грубо. Лезть в драку тоже не нужно, руки только замараешь.

Я вылезла из машины вслед за ним, про себя думая, что, если увижу этого гаденыша Роба, сама отделаю его. Мы поднялись на порог, и я открыла дверь. Во время баскетбольного сезона мне часто приходится задерживаться в школе на чирлидерские тренировки, так что сейчас я была рада, что могу провести время с братишкой. Отборочные в группу поддержки

будут через два месяца, а затем нас ожидает безумное расписание летней практики. Но сейчас я была абсолютно свободна, что для меня слегка непривычно.

Зеб швырнул свой рюкзак на середину комнаты и пнул его в сторону. Сев на диван, он включил телевизор, пока я делала нам небольшой перекус: бутерброды с сельдереем и арахисовым маслом, себе с изюмом, ему без.

– Спасибо, – буркнул он перед тем, как начал жевать свой.

Глядя, как он смотрит на воителей на экране, я почувствовала прилив любви к своему братишке. Маленькими мы постоянно дрались. Его гадкие привычки просто бесили меня. Но за последние пару лет у родителей стало гораздо меньше времени на нас, поэтому нам пришлось научиться полагаться друг на друга и прекратить наши обычные потасовки. Это даже странно, но сейчас я люблю своего брата.

Я достала телефон, чтобы проверить соцсети, пока жую. Час спустя мы оба сидели все так же, когда с покупками вернулась мама. Ее каштановые волосы, собранные в аккуратный хвостик утром, сейчас были распущены.

– Привет, – усталым голосом сказала она.

– Привет, мам, – ответила я.

Зеб лишь проворчал что-то невнятное.

– В машине есть еще сумки?

– Нет, это все.

Она со вздохом поставила свою сумку и покупки на стол.

– Мне кажется, сегодня можно заказать что-нибудь из китайского ресторана.

Зеб оживился:

– Ты серьезно?

– Пожалуй, да.

На ее лице появилась легкая усталая улыбка. Родители редко заказывают еду домой. Мама работает пекарем в крошечном магазинчике, дела у которого в последнее время идут неважно: люди предпочитают покупать выпечку в супермаркете, потому что там дешевле, хотя в маминой пекарне она гораздо вкуснее. Честно говоря, для нас уже давно не секрет, что денег родителей едва хватает на оплату счетов. Но если мама решила устроить небольшой праздник, я не против.

Я помогла ей накрыть на стол, попутно заметив, что мешки у нее под глазами больше обычного. Кроме того, она давно не красила волосы, что обычно делает каждый месяц, и у корней уже была видна легкая седина. Я промолчала, но мне стало невыносимо грустно от всего этого.

Папа пришел вскоре после того, как нам привезли наш заказ. На секунду мне показалось, что он сорвется на маму за то, что она потратилась на китайскую еду, но он совсем не удивился, что наводило на мысль о том, что они заранее об этом договорились. Прежде чем сесть, он поцеловал меня в лоб и потрепал Зеба по плечу.

– Зандерия, Зебедайя, как дела в школе?

Я слегка поежилась при звуке своего полного имени. Кроме отца, никто не зовет меня так. Возможно, он делает это потому, что его самого зовут Зандер. Да-да, меня называли в честь него. Когда Зебу было года три, он называл меня Зэй, потому что не мог выговорить «Зандерия», и, к счастью, это прозвище прижилось.

– Все хорошо, – ответили мы хором.

Зеб тревожно посмотрел на меня, когда все мы сели за стол. Мама и папа даже не поздоровались друг с другом. Я покачала головой, знаком попросив его не беспокоиться, хотя сама места себе не находила. Мы приступили к еде в полной тишине, но это была не умиротворяющая тишина в доме благополучной семьи. Казалось, чувство неловкости буквально заполонило все пространство вокруг нас, мешая мне наслаждаться роллами и цыпленком в кунжуте.

– И так... – Я первой решила нарушить тревожное молчание. – Думаю, этим летом мне надо подыскать себе работу. Что посоветуете?

– Ох, Зэй! – Мама ласково улыбнулась мне. – Это очень мило с твоей стороны, но разве ты не будешь занята своими чирлидерскими тренировками?

– Да, конечно, но я постараюсь найти вакансию с гибким графиком. В таком случае я сама смогу оплатить поездку в летний лагерь в этом году.

Одна мысль о том, что я могу снять этот груз с плеч родителей, наполняла меня гордостью. Переглянувшись с папой, мама потянулась за салфеткой, чтобы вытереть глаза.

– Эта аллергия когда-нибудь доконает меня, – выдавила она сквозь слезы. – Снова эти вишни начали цвести.

Папа бесцельно ковырялся вилок в брокколи. Брату, должно быть, было невыносимо от нараставшей неловкости, поэтому он с невероятной скоростью съел свою порцию и выпрыгнул из-за стола.

– Прошу прощения, – промычал он с набитым ртом.

– Вообще-то мы с папой хотели с вами поговорить, – сказала мама.

Поговорить с нами?! Дрожащей рукой я кладу вилок, чувствуя, что аппетит мгновенно пропал, а все, что уже было съедено, начало тревожно бродить в недрах желудка.

– Доедай, милая, – прошептала мама.

– Я наелась, – также шепотом ответила я.

Не люблю серьезные разговоры в кругу семьи. Они бывают, лишь когда случается что-то плохое. В прошлом году, например, когда папа потерял работу. Тишина стояла настолько мертвая, что ход секундной стрелки часов эхом раздавался по всему дому. Родители отодвинули тарелки и переглянулись. Папа кивнул, и в этот момент мне хотелось закричать: «Нет! Не говорите этого! Не важно, что вы хотите сказать, я не хочу этого слышать!» Однако я молча сжалась на краешке стула и затаила дыхание.

– Мы с папой вас очень любим. – Мама поочередно посмотрела на меня и на Зебби. – И в том, что случилось, вы совершенно не виноваты...

– Верно, – вмешался папа. – Все дело в нас с мамой.

Нет-нет-нет. Мне становится все хуже и хуже.

Мама выдержала паузу, и то, что она сказала дальше, прозвучало как фрагмент замедленной съемки.

– Мы решили разойтись.

Мой мир рушится, я смотрю на еду, которая теперь кажется омерзительной.

– Когда папа переедет, отдельный дом будет нам не по карману, так что мы вдвоем переедем в квартиру в многоэтажке.

Голова шла кругом, сердце бешено стучало.

– Что? – Зеб был в полном недоумении. – Мы переезжаем?!

Его можно было понять, ведь мы с ним жили в этом доме всю жизнь! Ответом Зебу послужил лишь мамин кивок.

– Я нашла нам двухкомнатную квартиру в Саутерн-Ридж, а папа будет снимать квартиру за городом пополам с другим квартирантом. Вам, дети, придется жить вдвоем в одной комнате, но это временно, пока не...

О господи! Она совершенно серьезно! Я вскочила со стула настолько резко, что ножки заскрежетали по линолеуму.

– Почему?!

Мама опустила голову, но ее плечи остались напряженными.

– Мы все равно сможем видеться друг с другом, – пришел на помощь папа. Он хотел было взять меня за руку, но я вырвалась, отчего он нахмурился.

– Все меняется, милая. – Мама произнесла это дрожащим голосом, в ее тоне чувствовалась лишь скорбь.

– Все меняется?! Вот так новость! Это просто жизнь, а человек может приспособиться к любым переменам!

– Все не так просто, – папа заговорил нравоучительным тоном, что разозлило меня еще больше.

– Поверить не могу, что вы так запросто сдались! – Я сорвалась на крик. – После девятнадцати лет совместной жизни! И все из-за того, что у нас попросту трудный период в жизни?

Мама закрыла лицо ладонями. Папа отвел взгляд, на его лице отпечаталось выражение то ли сожаления, то ли вины. Взглянув на Зебби, я увидела, что он плачет. Сама я едва сдерживаю собственные всхлипывания. Наша семья рушится, разбивается на осколки. Неужели в этом мире не осталось ничего незыблемого?

– Вы принесли друг другу клятву на алтаре. Вместе навсегда, в горе и радости, – сквозь слезы сказала я.

Мне вспомнились наши летние поездки на побережье. Мы постоянно смеялись, мы любили друг друга. Когда все это изменилось? Как это произошло? Затем я вспоминаю Уайли в той комнате с другой девчонкой. Боже мой, неужели...

– Кто-то из вас изменяет?

Я произнесла это с ужасным упреком. Не стоило спрашивать. Я перешла границы дозволенного, но мне было наплевать.

– Милая, что за...

Мама осеклась, взглядом попросив отца вмешаться.

– Вам с братом не нужно знать подробности, это касается только меня и мамы. Все, что тебе нужно знать, Зандерия, что мы разлюбили друг друга и ничего не можем с этим поделать. – Отец был суров и непреклонен.

Как удобно. А главное, не нужно ничего объяснять.

– Нам нужно собрать вещи, – прошептала мама. – Мы уезжаем в субботу.

– В субботу?!

Мой голос дрогнул. Через четыре дня?! Я судорожно глотаю воздух ртом, задыхаясь от слез. Все произошло настолько быстро, и я не в силах ничего изменить.

– Это неправильно! К черту вас обоих!

Мама не смогла сдержаться и сейчас просто плакала, отец же сидел молча, закрыв лицо руками. Я сломя голову рванула прочь из кухни в свою комнату, изо всех сил хлопнув дверью. Запрыгнув в кровать, я свернулась калачиком. Сначала Уайли, а теперь еще и родители. Все, во что я верила и чем дорожила, рухнуло, как карточный домик.

Почувствовав чье-то прикосновение на своем плече, я подняла голову и увидела Зебби. Так же как я, он чувствовал себя тоскливо и потерянно. Я обняла его, и мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, и плакали.

Глава четвертая

СЛЕДУЮЩИМ УТРОМ, КОГДА я подвозила девчонок на своем минивэне, Моника натирала длинные ноги лосьоном и говорила о вечеринке в доме Джека Райнхарта в субботу. Ее длинные каштановые волосы были собраны в аккуратный хвост. Я едва слышала ее слова, ибо чувствовала себя совершенно опустошенной.

Надо было написать им ночью и все рассказать. Девчонкам я могу рассказать все. Но это... Это было слишком. К тому же ночь я провела в наивном ожидании, что родители одумаются и все отменят, и нам не придется никуда переезжать. Проснувшись после целой ночи рыданий и всхлипываний, я поняла, что ничего не изменилось. Только папы уже не было на диване в гостиной. Он ушел. В груди защемило при мысли об этом. Держа одну руку на руле, другой я стала растирать грудь.

– Ты в порядке? – спросила Кензи, сидевшая рядом со мной на пассажирском сиденье.

Я молча продолжала держать руку там, где должно быть сердце. Я боялась, что если открою рот в попытке ответить ей, то снова заплачу и не смогу следить за дорогой. Поэтому я просто кивнула. Глядя на дорогу, я чувствовала, что Кензи пристально смотрит на меня, пока Моника и Лин обсуждают, кто пойдет на вечеринку к Джеку Райнхарту. Наконец, тяжело дыша, я припарковала машину.

– У тебя получится подвезти нас в субботу? – спросила Моника.

Я медленно повернулась к ней, и при виде моего лица она обомлела.

– Зэй? Что случилось? – Она перешла на шепот.

– Я не смогу. В субботу мы переезжаем.

На несколько мгновений воцарилась полная тишина, прежде чем Лин завопила: «Что?!» Она отстегнулась и нагнулась между сиденьями, чтобы посмотреть на меня. На лицах девчонок читалось полное недоумение.

– Ты плакала, – сказала Кензи. – Что произошло?

Я пытаюсь держать себя в руках, пока изо рта вылетают эти отвратительные слова: «расходятся», «квартира», «за городом». Выражение лиц девчонок прекрасно отражает всю скверность ситуации.

Лин, которую удочерили из Китая, когда ей не было и двух, была единственной в машине, чьи родители все еще были вместе.

– Ох, Зэй, мне так жаль. Хорошо, что ты переезжаешь недалеко. Я жутко испугалась, когда ты это сказала.

Кензи вытирает слезы. Ее мама, белая женщина из Техаса, влюбилась в чернокожего парня в колледже, что, очевидно, было неприемлемо для ее родни, так что им пришлось переехать в округ Колумбия. Ее родители разбежались, когда она была в начальной школе. Родной отец вернулся в Техас, но она продолжала хорошо общаться с ним, как и со своим отчимом. Обоих она звала отцами и каждый год летом ездила на две недели погостить в Техас.

– Все будет хорошо, – прошептала она. – Может быть, им просто нужно немного отдохнуть друг от друга. Возможно, они еще снова сойдутся.

Я заметила, как Лин бросила на Кенз осуждающий взгляд, и прекрасно поняла почему. Она не хотела, чтобы я тешила себя ложной надеждой, но было уже поздно. Я не хочу, чтобы у меня был отчим. Мне нужна моя семья. Мы вместе, вчетвером, – вот все, о чем я думала, пока плакала ночью. Я знала, что глубоко внутри им будет не хватать друг друга. Да-да, так и будет. Я даже не хотела, чтобы кто-то еще узнал об этом, потому что совсем скоро мы все снова соберемся вместе, и у нас будет дом еще лучше, чем старый, и мы все заживем так, будто ничего и не случилось.

– Никому не рассказывайте, хорошо?

Переглянувшись, все трое молча кивнули. Моника придвинулась ко мне, протянув мизинец.

– Не важно, что будет дальше. Мы здесь, и мы с тобой. Просто знай, что все будет хорошо.

Я сцепила наши мизинцы. Мама Моника никогда не была замужем. Ее отец – морпех с базы Куантико, и сейчас он платит на нее алименты, но на этом его участие в жизни дочери заканчивается. Она живет с мамой, младшей сестренкой от другого отца, тетей, двумя кузинами и бабушкой – целый дом шумных и дерзких латиноамериканок.

По дороге к школе я чувствовала ореол любви, которым девчонки окружили меня. Пасмурный, холодный день полностью соответствовал состоянию моей души, пока я сидела на уроке математики. Когда дело доходит до английского, я чувствую себя полностью разбитой, при мыслях о родителях или о Уайли меня начинает выворачивать. Плюхнувшись на стул, я вяло оглядываюсь по сторонам, пока миссис Уорфилд вещает что-то про силу слова.

Наше новое задание состояло в написании очередного стихотворения, целью которого было отобразить чувства другого человека с использованием метафоры или сравнения. Что-то о чувствах. У меня же получилось нечто скорее жалкое. Я написала две строчки о том, что улыбка Лин похожа на лучик солнца. Полный отстой.

В конце занятия миссис Уорфилд произнесла нечто, вырвавшее меня из оцепенения.

– Минутку внимания, класс. Кое-кто, чье имя я из деликатности упоминать не буду, написал вчера потрясающее стихотворение. Я не ожидала, что кому-то из вас удастся написать что-то глубокое за столь короткий промежуток времени, а потому считаю своей обязанностью поделиться этим произведением со всем классом.

Мурашки пробежали у меня по спине. Только не мой стих. Разумеется, я вложила в него все свои эмоции, но я никогда не была сильна в письме, так что он просто не мог получиться хорошим.

Вдруг меня озарила мысль, что, возможно, это был стих Дина. Я украдкой обернулась и в тот же миг встретила с ним взглядом, чем, очевидно, пробудила в нем любопытство. На мгновение я забыла о семейных неприятностях. Я подумала, как же интересно будет заглянуть в голову Дина и узнать, что у него было с этой Дженной. Миссис Уорфилд слегка откашлялась. С каждой секундой я нервничала все сильнее, пока наконец она не начала своим глубоким голосом:

*Я разбудила братца, крадучись мы пошли,
Под елью под зеленой подарки мы нашли.
Красивый синий велик, для кукол теремок
Стояли в уголке, свой поджидая срок.*

Господь Всемилостивый! Это было мое стихотворение. Краска залила лицо, и я вжалась в стул. Она ни разу не посмотрела на меня и не выдала меня, но мне все равно хотелось закричать что есть мочи: «Заткнись! Прекрати сейчас же!»

*К отцовскому плечу прижалась нежно мама,
А он светился, думая: «Нас не коснется драма!»
Они поцеловались, и руки их сомкнулись,
И кто бы мог поверить, что вот уж разминулись.*

Миссис Уорфилд угадывала все эмоции, наполнявшие эти слова, и читала настолько проникновенно, что мое сердце с каждым словом сжималось все сильнее. Вчера, когда я писала стихи, я грустила, но еще надеялась на лучшее. Сегодня уже все по-другому, и тем сильнее эти строчки воздействовали на меня.

Каждое произнесенное слово затягивало на моей шее удавку. При каждом взгляде на лицо учительницы, в точности отражавшее чувства, описанные в стихотворении, я чувствовала, что вот-вот разрыдаюсь. Я призвала на помощь все свое самообладание. Не могла позволить себе раскиснуть на глазах у всего класса.

*Ель красочным нарядом нас радовала в праздник,
Камин огнем потрескивал – растапливал сердца.
Отец тихонько песенку для матери завел,
А за окном пушистый снег все шел, и шел, и шел...*

Закончив чтение, миссис Уорфилд театрально закрыла глаза и приложила руку к сердцу. В классе воцарилась полная тишина, но спустя миг зазвучали аплодисменты. Очнувшись, я тоже захлопала, чтобы не выдать себя. Я ясно слышала шепот ребят, рассуждавших, кто мог это написать. Краем глаза я заметила, что Дин смотрит на меня, и тут же вспомнила, как говорила ему, что мой стих был о Рождестве и о семье. Вот черт. Мне стало трудно дышать. Он наверняка тоже вспомнил о нашем разговоре и понял, кто автор. Когда твой секрет раскрывают, чувствуешь себя голой посреди улицы.

Как только прозвенел звонок, я сорвалась со стула. Заметила, что миссис Уорфилд пыталась встретиться со мной взглядом, но я отвернулась. Я понимала, что она не хотела обидеть меня, но все же лучше бы спросила разрешения, прежде чем читать. Уже выбежав в коридор, я услышала раскатистый бас Дина. Он кричал: «Зэй! погоди секунду!» Ну уж нет. Резким движением я закинула сумку с учебниками на плечо и растворилась в толпе.

Следующие два часа я успешно избегала его, что не могло не радовать. Если бы он начал расспрашивать меня, я бы точно не удержалась и разревелась. Я изо всех сил старалась выдавить из себя улыбку, но все было напрасно. Весь день ребята спрашивали меня, что случилось. Я отвечала что-то вроде «проблемы в семье» или «мне нехорошо», но постепенно становилась язвительной и злой.

За ланчем Кензи с Моникой попытались болтать на отвлеченные темы, но мои мысли были далеко. Я наблюдала за счастливыми парочками, думая о том, что это лишь вопрос времени, когда их чувства угаснут, оставив после себя боль. Зачем тогда вообще нужны отношения?

Из детского набора для завтрака, что мама дала мне на ланч, я едва заставила себя выпить упаковку сока. Каждый день я пью этот сок для малышей, ем сырны крекеры, бутерброды с арахисовым маслом и чипсы. Мама говорит, что это дешевле, чем платить за обеды в школе, так что я ем и не жалею. Но сегодня у меня нет никакого аппетита. Моника ела школьный ланч, бургер с сыром и маленькие сосиски, по поводу которых я обычно отпускаю шуточки, но сегодня я не в настроении. Кензи поглощала какой-то напиток из алюминиевой банки, но это было не похоже на банку обычной газировки. Когда она отвернулась, чтобы поговорить с кем-то, я наклонилась через стол, чтобы взглянуть. Какого черта? Напиток для похудения? Мы с Моникой в ужасе переглянулись. Кензи никогда не была толстой, напротив, она очень худая, но, к сожалению, чувствует себя иначе. Там, где мы видим лишь кожу и мускулы, ей мерещится сплошной жир. Кензи снова повернулась обратно и увидела, как я разглядываю ее банку.

– Эй! – Она выхватила ее из у меня из рук, щеки у нее покраснели то ли от злости, то ли от смущения.

– Кенз, я только хотела... – Я начала было оправдываться, но она не дала мне договорить.

– Пожалуйста, не начинай. Мама заставила меня съесть кучу всего на завтрак, так что сейчас я абсолютно сыта. Довольна?

С этими словами она схватила свою сумку и вышла из-за стола, не дожидаясь ответа.

– Надо приглядывать за ней, – сказала Моника, и я кивнула.

Уже год мы пытаемся отучить ее от этой дряни. Даже жаловались ее маме и старшей сестре, за что Кенз, наверное, до сих пор дуется на нас. Ее мама – трудоголик, механизм, который никогда не останавливается. Она такая же худышка, как и Кензи, с той лишь разницей, что Кенз всегда была супермилой, а она – суперсуровой. Другое дело ее сестра, она классная и всегда готова помочь.

– Ты слышала, что Лин опять поссорилась с Джоном?

– Ого! Нет, не слышала.

Сегодня Лин не пошла вместе с нами на ланч, так что Моника решила просветить нас по поводу причины ее отсутствия.

– Хреново.

– Да уж, она надеялась, что они смогут больше времени проводить вместе сейчас, когда чирлидерские тренировки закончились, но он упорно продолжает ходить к друзьям после школы поиграть в баскетбол и не зовет ее гулять.

Моя единственная реакция на эту новость – закатить глаза. Очередная драма в отношениях. Они вместе всего два месяца, а все уже летит в тартарары. Я залпом допила остатки сока и швырнула пакет в мусорку, после чего помахала Монике рукой и пошла на свой урок.

Следующий урок – испанский, моя любовь. Как только я вошла в класс, миссис Эрнандес, улыбнувшись мне, спросила по-испански: «Что случилось?» Разумеется, она сразу все поняла. Она – лучшая учительница на свете. «Мой отец», – ответила я, тоже по-испански. Она покачала головой, поощряюще погладив меня по плечу, не решившись вдаваться в дальнейшие расспросы. Когда я заняла свое место, то в первый раз за день почувствовала себя комфортно. За пределами этого класса все катилось прямо в ад, но здесь я могла с головой уйти в красоту языка, радуясь, что хоть с чем-то у меня все складывается замечательно. Испанский у меня никому не отнять. И он никогда не причинит мне боль.

В машине по дороге домой все притихли, будто боясь потревожить чужой покой. Лин пыталась вести непринужденный разговор, чтобы хоть как-то расшевелить нас. Она рассказывала историю о своем походе в китайский ресторан и неловком моменте, когда хостес подошла к ней и заговорила по-китайски и ей пришлось признаться, что она не понимает.

– Я вроде как чувствовала себя виноватой, представляете? – говорила она.

– Мы можем выучить его с тобой за компанию, – рассеянно предложила я.

Вполне разумное предложение, как по мне. Вот только Лин так удивленно посмотрела на меня через зеркало заднего вида, что можно было подумать, будто я сказала это по-китайски.

– Ты же в курсе, что у них совершенно другой алфавит? Это будет нереально сложно. Я и латынь-то едва на тройку натянула!

В ответ я лишь пожала плечами, и в машине вновь воцарилась тишина. Тишина, напряженная настолько, что я вздохнула с облегчением, когда развезла всех по домам и наконец ехала одна к себе домой. Когда я свернула к дому, то заметила кучку детей, стоявших кружком на остановке, где я обычно подбираю Зебби. В душу закралось нехорошее предчувствие, и я резко свернула к обочине, поставила машину и зашагала к остановке.

До меня донесся взволнованный голос Зеба. Подойдя ближе, я увидела, как он толкает другого мальчика, на что тот отвечает ему тем же. Ну уж нет, не сегодня. Я перешла на бег. Остальные дети вопили и толкались, пытаясь занять место, откуда будет лучше видно. Растолкав эту толпу зевак, я руками отодвинула мальчиков друг от друга.

– Не выйдет, ребята.

Я взглянула на Зебедаю. Его лицо было багровым, он тяжело дышал и был вне себя от злости. Другой парень просто ухмылялся. Так-так.

– Тебя зовут Роб?

Его ухмылка мгновенно сменилась удивлением, и он запустил руку в свои длинные волосы. Готова поклясться, он начал играть бровями от гордости, что я знаю его имя.

– Да, это я.

– Он снова тебя подкалывал? – спросила я у Зеба.

Ничего не ответив, он продолжал сверлить взглядом своего противника. Я приняла это за положительный ответ.

– Ты настучал на меня сестре? Чел, я же просто прикалывался. – С этими словами Роб поднял руки вверх в знак капитуляции.

Да, дружок, не того парня ты выбрал себе в жертвы. Я улыбнулась Робу, этому Мистеру Плохому Парню, и повернулась к нему лицом, оставив Зеба за спиной. Паренек пытался выглядеть уверенно, но я заметила, как участилось его дыхание, от волнения ли или от страха, не берусь сказать точно. Его взгляд соскользнул вниз, к моим длинным ногам в обтягивающих джинсах, и вновь вернулся к моему лицу.

– Скажи мне вот что, Роб, – с этими словами я прикоснулась к его шее указательным пальцем и провела вниз по футболке. Его дыхание буквально остановилось, другие дети наблюдали за этой сценой в полном изумлении. – Скажи мне, что именно ты хотел бы сделать со мной?

Он издал смешной гортанный звук, и другие ребята захихикали. Я подошла к нему еще ближе, говоря самым сладким голосом. Ростом он был практически с меня.

– Не хочешь говорить? Что ж, давай начистоту, Роб. Этого тебе никогда не видать. – В этот момент я провела руками по своему телу. – А если я еще раз узнаю, что ты болтал какую-то хрень про меня моему брату или подкалывал его любым другим способом, то найду тебя и так двину по яйцам, что они подскочат к глотке и ты задохнешься.

Я бы сказала, что на Робя мои слова произвели самое правильное впечатление.

– Ты меня понял? – Я все еще улыбалась во весь рот.

– Д-да, – выдавил он.

– Пойдем, Зеб.

Толпа расступилась, и мы пошли к машине. Вся остановка продолжала пялиться на нас, пока мы не свернули за угол и Зеб наконец-то смог выдохнуть.

– Это было самое крутое, что я когда-либо наблюдал! Ты видела его лицо? Бесценное зрелище.

Он залился смехом и хлопнул себя по коленям. Я тоже засмеялась, впервые за сегодняшний день. На самом деле я чувствовала себя гораздо лучше, выпустив пар на бедного паренька.

– Черт возьми, Зэй, ты самая клевая сестра на свете.

– Спасибо. Только не говори «черт».

– Я слышал, ты тоже так говоришь.

Я вздохнула. Лицемерие – это совсем не круто.

– Ладно, тогда прощаю.

Мы улыбнулись друг другу, и я подумала, как же хорошо иметь рядом кого-то родного.

Глава пятая

БОЖЕ, ТОЛЬКО НЕ это. Очередной день поэзии. Я опустила голову на парту. Прошлой ночью мама попросила меня начать собирать вещи и снять все постеры со стен. Наш дом перестал быть нашим. Я не хотела там находиться, равно как и здесь. Я нигде не хотела быть. В тот момент я ненавидела всех и вся. Поэтому, когда пришел черед достать листочки и написать еще один стих, посвященный какому-то определенному предмету, я выбрала жалкую, уродливую, квадратную картонную коробку. Миссис Уорфилд наверняка не поймет, за что такое проклятие пало на весь род коробок, но мне было на это наплевать. Закончив, я снова опустила голову на парту.

– Настало время для наших ежедневных анонимных чтений! – Миссис Уорфилд прямо-таки сияла, произнося эти слова радостным голосом.

Моя голова продолжала лежать на парте, поскольку я была абсолютно уверена, что чушь, написанную мной вчера, она бы ни за что не выбрала. И все же я прислушалась, с интересом ожидая, чья же душа сегодня будет выставлена напоказ.

– «Грусть», – голос ее звучал столь тоскливо, что мурашки невольно пробежали по коже.

*Ты идешь понурая, на твоём лице лишь скорбь.
Я смотрю на тебя и вижу тучу среди облаков,
Их улыбки лживы, твоя печаль – нет.
Грусть.
И даже глоток любимого сока не может вернуть тебя к жизни.*

Я подняла голову и посмотрела на миссис Уорфилд так, будто не совсем поняла ее. Однако она продолжала, не зная, что внутри у меня ураган.

*Кто же украл все твои краски, о прекрасный цветок?
Росу с твоих нежных лепестков?
Мягкость твоих губ?
Грусть.*

На душе была гроза, как у тучи в стихотворении. Я села ровно, аплодируя вместе со всеми. Это не могло быть простым совпадением. А может, я просто эгоистка, и это вообще не обо мне? Любой в «Пиктоне», помимо меня, мог пить детский сок, а я этого просто не замечала. Но что если это все-таки обо мне? Я притворилась, будто ковыряюсь в сумке, лежавшей на полу, и тем временем исподволь оглядела весь класс. Звонок должен был вот-вот прозвенеть, так что все остальные тоже начали шуршать вещами и собираться. Большинство ребят я знаю еще со средней школы, кого-то вообще аж со времен начальной. Да кто же это написал? Я посмотрела на последний ряд. Эмберли Брэй, спортсмен-бегун, крепко спал на своей парте. Джоэл Руддик с поднятым капюшоном и руками, сложенными на груди, тоже спал, только облокотившись головой о стену. Он новичок в «Пиктоне». Поговаривали, что он торгует наркотиками. Он перевелся к нам из «Хиллсайда» и никогда не распространялся о себе. Интересно, был ли он знаком с Уайли? Дурацкий Уайли. Рядом с ним сидел Джон, парень Лин. Нет, это точно не он.

Я продолжала блуждать взглядом по классу. Рауль тоже был в чирлидерской команде, но девушки его не интересовали, плюс ко всему он был известным болтуном и не умел хранить секреты. А может, это был Майк, мой напарник по лабораторным работам с прошлого года? Он милый, но все же не поэт, это уж точно. Анджело Гарсия? Мы с ним целовались в восьмом

классе. Он шумный непоседа, и я не могла представить себе, чтобы у него хватило терпения написать стих, хотя... кто его знает? Стеснительный и спокойный Флинн Роджерс, который, мне кажется, играет в группе? Эллиот Филдс, темно-русый неотесанный брейк-дансер? Кроме шуток, он правда все время ходит в камуфляже и постоянно говорит о рыбалке, но танцует брейк круче всех, кого я видела. Трудно представить, чтобы он написал такое, но ведь всякое бывает?

Я продолжала перебирать. Brent Додж, бейсболист с детским лицом, флиртующий с Джанной из команды по степу? Не думаю. Еще был парень-скейтер, Таро Хаттори, который внимательно смотрел аниме на телефоне. У него определенно была творческая жилка. А еще он был симпатичный в своих джинсах-дудочках и с длинной челкой, закрывавшей добрую половину лица. Я внимательно посмотрела на него, но он не обратил на это внимания. Спокойный и загадочный. Хм, он вполне мог быть автором стихотворения.

Пока я разглядывала всех, мой взгляд вновь столкнулся со взглядом Дина. У меня сложилось впечатление, что он наблюдал за мной и ждал, пока я дойду до него. Наши взгляды встретились, отчего я смутилась и слабо улыбнулась ему. Он улыбнулся гораздо шире, заговорщически. Я поспешила отвести взгляд, сердце забилося. Когда прозвенел звонок, я снова рванула прочь из класса быстрее всех. Я не знала, как быть с этим странным чувством. Должна признать, оно было приятным, и все же... это было не то, чего я хотела в тот момент.

Легкая паранойя закралась в мою душу, пока я пила сок за ланчем. Глазами я стреляла во все углы столовой, пытаясь найти кого-то из моего класса по английскому, кто наблюдал за мной, или хотя бы другого человека с такой же пачкой в руках. Мое особое внимание было приковано к столику Дина и его друзей-спортсменов, но, готова поклясться, он и головы не повернул в мою сторону. И другого такого сока не видно.

– Ты в порядке? – поинтересовалась Моника.

– Да.

Я решила поделиться с девочками своими наблюдениями.

– Вы же в курсе, что я пью такой каждый день? – Я показала им свой сок, и все трое ответили мне кивком.

Затем я поведала об уроке английского. Моника заулыбалась улыбкой Чеширского Кота, а Кензи наклонилась ко мне через стол, и я увидела, как ее карие глаза игриво поблескивали.

– Перечисли всех парней, которые ходят с тобой на английский, – сказала она.

Я перечислила.

– А когда она закончила читать, Дин был единственным, кто смотрел на меня.

Они обе уставились в его сторону.

– Не смотрите на него! – шикнула я на них.

Хихикая, они повернулись обратно.

– Дин чертовски сексуален, – сказала Моника, оживившись.

Я украдкой еще раз посмотрела на него через ее плечо, кивнув, что согласна с ней.

– Я люблю загадки, – настал черед Кензи. – Давай приглядимся, кто еще из твоего класса сейчас здесь, в столовой.

Мы втроем вперились взглядом в шумную толпу и принялись считать. Девять из двенадцати парней-натуралов из моего класса в данный момент были здесь, но никто из них не бросал в нашу сторону подозрительных взглядов. Что ж, это будет не так уж просто.

– А может, это девушка, – вдруг произнесла Моника, задумчиво приподняв бровь, на что я пожала плечами.

– Вот это будет неожиданный поворот! – Кензи залилась смехом.

Я принялась жевать сырную палочку. Кто бы ни оказался автором того стиха, я была ему благодарна, поскольку это единственное, что отвлекло меня от событий этой ужасной недели. Парень или девушка, мне хотелось обнять автора.

Кензи, сидевшая напротив меня, внезапно уткнулась в свой недоеденный салат тако. Мы с Моникой обернулись и увидели, как в нашу сторону направлялась компания Сьерры, Мики и Рауля. Я оцепенела. Сьерра и Мика были самыми популярными девчонками в «Пиктоне». Отец Сьерры был владельцем огромного автосалона по Первому шоссе, а родители Мики работали в Пентагоне. Обе они жили в одном районе с Кензи. Вдруг мне вспомнилось, что Рауль тоже ходил вместе со мной на английский, так что я как можно незаметнее положила пакет сока себе на колени под стол. Мне не хотелось, чтобы он думал, что стих был именно обо мне.

– Привет, Зэй. Как дела? – Сьерра села около меня и начала разговор.

– Привет.

Она перевела взгляд на Монику и молча кивнула ей, полностью проигнорировав Кензи, как и всегда. Они были не в ладах друг с другом еще с седьмого класса. Мика осталась стоять, при этом улыбаясь нам, короткая юбка позволяла разглядеть ее длинные мускулистые ноги во всей красе. Рауль же рассматривал ногти на руках, выражая своим видом абсолютную скуку.

– Итак... – Глаза Сьерры сияли от любопытства.

Я могла как следует разглядеть ее лицо, поскольку она сидела буквально в паре сантиметров от меня. Мое внимание привлекли ее идеальные брови и накладные ресницы. В школе «Хиллсайд» она бы точно сошла за свою.

– В чем дело? – спросила я.

На мгновение я слегка застеснялась. Все-таки когда к тебе подходят две самые популярные девчонки в школе, волей-неволей начинаешь волноваться. Забавная вещь эта популярность. Бывает, что ты популярен, когда все тебя любят, а бывает, когда боятся. Эти девушки могли испортить репутацию любого в школе одним небрежным словом.

– Так ты рассталась с тем парнем из «Хилл-сайда»? Уайли Дженек, кажется?

Мой живот отреагировал неприятным ощущением при звуке его имени.

– Типа того.

Сьерра жала губы, с грустью посмотрев на меня.

– Правда, что он изменил тебе сразу после того, как вы переспали?

– Что? – Ну, понеслась. – Нет, мы не спали. Я не собиралась рассказывать им, что было между нами. Они в мгновение ока разнесут это по всей школе.

– Оу, – она выглядела разочарованной.

– Да ладно, неужели? Вы ведь достаточно долго встречались, – вмешалась в разговор Мика. Она смотрела на меня так, как будто знала, что я лгу.

– У них ничего не было. – Моника пришла ко мне на помощь.

Кензи молча скрестила руки.

– Но ты ведь поймала ту девчонку с поличным, так ведь? – не унывала Мика. – Хотелось побить ее?

Я жала зубы. Им нужны были подробности, чтобы растрепать всей школе. Если я им не подыграю, они будут рассказывать все, что придет им в голову. Ненавижу это. Ненавижу, когда твоя личная жизнь становится всеобщим достоянием. И все же нужно было хоть что-то им поведать.

– Я прижала ее, потребовала рассказать, что между ними было, но...

– Он спал с ней? – некстати встрял Рауль, заставив меня поежиться от воспоминаний об этом.

– Похоже на то. Меня все это больше не касается, так что какая разница? Что было, то прошло.

С этими словами я собрала весь свой мусор в бумажный пакет. Поставив точку в разговоре, я увидела, что все трое выглядят недовольными. Бьюсь об заклад, они не привыкли, чтоб их так быстро отшивали.

– Ну хорошо. – С этими словами Сьерра встала, и, не попрощавшись, все трое удалились.

Нам было слышно, как они начали шушукаться между собой, а Мика вдруг засмеялась, закинув голову. Мы втроем молча наблюдали за ними.

Мика и Кензи – соседи. В начальной и средней школе они были неразлейвода. Сьерра переехала в их район в седьмом классе, постепенно отнимая Мику у Кензи, а затем и вовсе прекратив их общение. Но Сьерре было недостаточно просто отнять Мику. Ей нужно было всем показать, что они подруги, поэтому она буквально заполонила свои страницы в соцсетях их совместными фотографиями с вечеринок, куда приглашали всех, только не Кензи. Когда я познакомилась с Кензи в девятом классе, она была одинока и подавлена. Теперь я четко понимала, почему Сьерра видела в ней угрозу. Кенз была ее полной противоположностью: маленькая, милая, застенчивая, от природы очень добрая. Сьерра же была красива, но это была суровая красота. Она больше походила на взрослую женщину, высокую и уверенную в себе, нежели на девочку-подростка. Разделяй и властвуй – вот ее девиз.

Мика и Сьерра в упор не замечали Кензи, кроме как на чирлидерских тренировках, когда им приходилось ее поднимать. Раньше я боялась, что они специально уронят ее, но, благо, когда дело касалось чирлидерства, обе проявляли потрясающий профессионализм. И все же я бы предпочла, чтобы мы с Лин поднимали ее, а Моника стояла бы сзади, для подстраховки.

– Вот стервы, – прошептала Кензи, но затем скрестила руки на груди, словно ей стало стыдно за сказанное.

– Ты в порядке? – спросила меня Моника.

Я кивнула, хотя меня всю трясло.

– Интересно, почему Рауль зависает с ними? – недоумевала Моника. – В их когтях он становится совершенно другим человеком.

– Когда их нет рядом, он играет с моими волосами. – Кензи вздохнула, пальцами перебирая свою шевелюру до плеч, темно-каштановую у корней и совсем светлую около кончиков, лоснившуюся от бережного ухода и кропотливой работы выпрямителя.

Взяв свой бумажный пакет с мусором, я ловким броском отправила его в мусорное ведро, как баскетбольный мяч в корзину. Мое попадание вызвало овации за столом ребят-спортсменов, отчего мы с девочками в ответ звонко засмеялись. Я встала из-за стола и сделала реверанс в их сторону, как раз когда прозвенел звонок. В тот момент я решила, что буду обращать внимание только на людей, излучающих позитив. Не на тех, кто втоптывает нас в грязь, а на тех, кто помогает нам подняться.

Глава шестая

МИССИС УОРФИЛД ВСТРЕЧАЛА нас улыбкой во весь рот, когда в четверг мы нехотя заходили в класс на очередной урок английского. Я валилась с ног от усталости, и эта улыбка раздражала меня. Мама с Зебом ругались весь вечер из-за того, что ей позвонили на работу и сообщили, что во время ланча они с одноклассниками играли в войнушку. В качестве оружия ребята использовали ручки без стержня, а в качестве снарядов – комочки жеваной бумаги. А мой братишка умудрился запулить какой-то девочке прямо в глаз. Затем они с мамой разругались еще сильнее, когда Зеб вместо того, чтобы паковать свои книги, начал разбрасывать их по всей комнате. Все закончилось тем, что оба они разбежались в слезах, и, как нетрудно догадаться, из-за всего этого я тоже проплакала всю ночь. Веселые времена, тут уж ничего не скажешь.

– Думаю, сегодняшний урок мы начнем с очередного стихотворения-загадки, своего рода продолжения вчерашней.

Миссис Уорфилд не смогла удержаться и хихикнула, я в свою очередь выпрямилась на стуле и попыталась успокоить вновь бешено застучавшее сердце. У меня была мысль оглянуться в поисках кого-то, кого могло выдать виноватое выражение лица, но я слишком сильно нервничала и могла себя выдать. Миссис Уорфилд приподняла бровь и внимательно осмотрела класс, прежде чем начать читать, чтобы удостовериться, что все мы внимательно ее слушаем.

*Ода соломинке из-под сока, покоившейся в твоей руке
Соломинка коснулась твоих губ, алых, как лепестки роз.
Гордый цилиндрический кусочек пластика с готовностью служил
тебе, утоляя твою жажду.
Как приятно, наверное, быть той соломинкой, наполовину
погруженной в прозрачный фруктовый сок и наполовину в твой
рот.
Наслаждайся, маленькая соломинка, наслаждайся.*

Внутри у меня все горело от возмущения. Миссис Уорфилд подмигнула классу, и все тотчас же залились гомерическим смехом. Мои глаза, казалось, вот-вот вылезут на лоб. Уже не стесняясь, я начала рыскать по классу взглядом, как и многие другие, в тщетных попытках угадать, кто мог это написать. Все, кроме спавших на задних партах Джоэла и Эмберли, смеялись и болтали между собой. Затем посреди всеобщего гвалта послышался громкий голос Дина:

– А ну-ка, признавайтесь, кто этот новоявленный Шекспир?

– Я! – Анджело Гарсия встал и поклонился публике. – Девушки, записывайте мой номер: семь ноль три...

– Жаль прерывать тебя, Ромео, но я не могу позволить тебе присвоить чужие заслуги, – подмигнула ему миссис Уорфилд.

– Эх, почти получилось! – Он сел обратно на место, и класс опять зашелся смехом.

Теперь я окончательно запуталась. Дин вновь улыбался мне, когда наши взгляды встретились, но я не могла понять, разыграл ли он этот спектакль для того, чтобы отвести от себя подозрение, или это было что-то другое.

– Боже мой, это просто шедевр, – сказал Рауль.

– Так это был ты, Рауль? – Дин улыбнулся ему.

– Ты знал, малыш. – Рауль игриво посмотрел на него и был вознагражден очередным взрывом хохота.

– Ладно, успокойтесь, – вмешалась миссис Уорфилд. – И учтите, что это уже на грани непристойности. Давайте без этого.

Она снова подмигнула и велела нам открыть учебники. Стоит ли говорить, что до конца урока я была погружена в свои мысли? Впрочем, как и до конца дня.

– Папа приехал!

Зеб открыл дверь, когда я еще парковала минивэн, и мне пришлось прикрикнуть на него, но безрезультатно. Он на ходу выпрыгнул из машины и побежал к отцу. Мы не видели его всего несколько дней, хотя ощущение было, как будто мы не виделись целую вечность. Искорка надежды зажглась против воли в моей душе, как только я зашла в дом. Папа на кухне складывал в коробку большие кружки и свои кофейные чашки. Я уронила сумку на пол, мои надежды улетучились.

– Эй! – Он улыбнулся Зебу, обнимая его. – Как поживает мой маленький мужчина?

– Отлично! – Зеб смотрел на него с любовью. Не выпуская брата из объятий, отец повернулся ко мне.

– Зандерия.

– Привет, – тихо сказала я.

Оглядевшись, я увидела, что вся комната заставлена коробками. Фотографии были сняты со стен, маленькие лежали в коробках, а большие в огромной куче около стены. На фото мы вместе, вчетвером. Позволят ли нам хотя бы повесить их на видном месте как напоминание? Вдруг задрожал подбородок, и на глаза навернулись слезы. Я отвернулась от всех.

– Здесь твои фильмы и диски, и еще последняя пара твоих туфель. – Мама спускалась по лестнице с большой коробкой в руках.

– Спасибо, – сухо поблагодарил папа.

Пока мама вытирала руки о штаны, они переглянулись, и от тоски, читавшейся в их взглядах, в комнате стало будто нечем дышать. Понимаю, это звучит слегка пафосно, но я ничего не могла с собой поделать в тот момент. Я соскользнула по стене и, закрыв лицо руками, начала всхлипывать. Все же я не смогла удержать себя в руках. Наш дом теперь был больше похож на гробницу. Место, в котором умерла радость, а на смену пришли лишь боль и сожаление. Сквозь всхлипы я слышала, как Зеб тоже начал плакать, а папа – утешать его. Затем мамина рука приобняла меня.

– Зэй, мне так жаль... – прошептала она.

И я верила ей, но это признание не могло приглушить боль в груди. Оно ничего не могло изменить и вернуть нам нашу семью.

– Почему бы вам завтра не прогулять школу? – Мама обращалась к нам обоим. – Вам нужно выспаться и отдохнуть. Весенние каникулы все равно уже почти наступили.

– Ага, – тут же согласился Зеб.

Я подняла глаза и увидела неодобрительный взгляд папы на маму за то, что она позволяла нам прогулять школу, однако он промолчал и ничего не сказал.

– Я не могу завтра прогуливать, – заупрямилась я.

– А, ну хорошо. – Мама выглядела разочарованной, что я отвергла ее утешительный приз. – Только отдай Зебу свой телефон на завтра.

– Как скажешь. – Я вскочила и поскорее удалилась в свою комнату.

Звук сообщения на мобильном разбудил меня посреди ночи. Я долго не могла уснуть. Открыв глаза, я почуяла запах пыли и коробок, царивший повсюду. Он снова напомнил мне о грустном, и я мгновенно проснулась. Взглянув на телефон, я едва не вскрикнула. Было два часа ночи.

Сообщение от Уайли: Мне жаль насчет твоих родителей.

Уай был в курсе всего. Я ничуть не удивилась, зная, как быстро сплетни разносятся между двумя нашими школами. Боже, как мне сейчас хотелось броситься к нему в объятия. Он всегда мог с легкостью успокоить меня, отвлечь от дурных мыслей или рассмешить. Весь прошлый год он был рядом, когда родители постоянно ругались друг с другом. А затем мне вспомнилось лицо той девчонки и что он сказал ей, у нас с ним все кончено, – и все позитивные чувства мигом испарились.

Я написала ему коротко: Спс.

Он ответил мгновенно: Я соскучился.

Я тоже соскучилась, но никогда ему в этом не признаюсь.

Уай: Я совершил ошибку. Клянусь, Зэй, этого больше никогда не повторится.

Слишком поздно. Грудь сжимается, напоминая мне, что сегодня я уже достаточно плакала.

Уай: Я хочу увидеться. Пжст. Я еду к тебе.

Я: У тебя нет ни прав, ни машины.

Уай: Я возьму мамину машину.

Я: Нет! Не стоит. Я хочу спать. Выключаю телефон.

Я сделала именно то, что сказала, выключила звук у телефона и легла, прикрыв глаза рукой. Теперь я окончательно проснулась и успела расстроиться. Уайли попытался использовать моих родителей, чтобы получить то, чего он хотел. Наверняка ему было плевать. Клянусь, если бы он через двадцать минут начал стучать в мое окно, я бы вышла и отделала его. Я больше не могла уснуть. Я всех ненавидела.

Глава седьмая

Я СКАЗАЛА МАМЕ, ЧТО пойду в школу, просто чтобы досадить ей. На самом деле утром меня не смог бы вытащить из постели даже стих о моем любимом соке. Однажды, когда я была маленькой, родители возили меня на выставку экспонатов эпохи Возрождения, в штате Мэриленд. Я помнила, как пыталась надеть на себя рыцарскую кольчугу. Я не могла представить, как кто-то мог хотя бы ходить в этой штуке, не то что сражаться. Сейчас я чувствовала себя так же, как в той кольчуге.

Я написала девчонкам, чтобы предупредить, что меня сегодня не будет, и снова улеглась. Час спустя я услышала, как Зеб бродил по дому этажом выше, вероятно, в поисках чего-нибудь съестного, поскольку мама ушла на работу, а я лежала в лежку. На меня будто надели с десятков кольчуг, и мне то и дело хотелось заплакать. Мой план на день состоял в том, чтобы лежать в одном положении, игнорируя свои естественные нужды, но внезапно меня осенило. Сегодня же презентация по испанскому! Со всем этим дерьмом, происходившим в моей жизни, я совершенно о ней забыла.

Вытащив себя из постели, я поднялась наверх. Все столы были завалены коробками, при виде которых кольчуга на мне стала еще туже. Маневрируя между коробками посреди комнаты, чтобы заварить себе лапшу, я услышала, как Зеб выходил из ванной. Увидев меня, он вздохнул. Я была похожа на женщину из каменного века. Футболка на несколько размеров больше, чем нужно, мешковатые штаны и лохматая голова – хвост набекрень, половина волос из него выбилась и торчала как попало.

– Мне нехорошо, – сказала я в свое оправдание, не утруждаясь указанием на его собственные растрепанные волосы.

– Прости. – Брат поднял руки вверх.

Я залила кипятком лапшу в пластиковой коробке и придавила крышку, положив сверху вилку.

– Ты будешь? – спросила я.

– На завтрак? Не-е, я уже сделал себе тост.

Несмотря на критику моего завтрака, сам он потянулся за пачкой второсортных чипсов. Так как стаканы были уже упакованы, я налила нам апельсинового сока в бумажные стаканчики. Мне пришлось раздвинуть коробки, просто чтобы видеть лицо брата, сидевшего напротив. Я принялась за лапшу, слушая, что говорил Зеб.

– Мама сказала, что с переездом завтра нам помогут соседи, раз уж папа работает в две смены.

Я промолчала, так как не хотела разразиться очередной гневной тирадой в адрес родителей, в особенности папы. Он что, не мог отпроситься на пару часов?

– Забавно, наверное, жить в многоквартирном доме, – продолжал Зеб. – Там есть бассейн.

– Ага, – через силу выдавила я.

Я начала делать макияж, чтобы снова не пришлось лгать Зебу. К счастью, он продолжал жевать чипсы, задумчиво глядя по сторонам. Мне было интересно, о чем он размышлял, но не осталось сил спрашивать. Вместо этого я открыла ноутбук, чтобы поработать над презентацией. Мне нужно было представить, что я репортер, использовать реальные новостные статьи какой-нибудь латиноамериканской страны и подготовить речь на три минуты. Я выбрала статью о Панамском канале и в школе уже успела что-то накопать на эту тему и даже написать несколько строк. Оставалось лишь найти подходящие картинки. Затем, дописав свой рассказ, я пробежалась по нему пару раз. Нам разрешалось пользоваться записями, но я хотела выучить наизусть как можно больше. Я едва успела закончить, так что даже не было времени принять

душ. В мгновение ока причесавшись и переодевшись, я крикнула Зебу: «Пока!» и помчалась в школу.

Глава восьмая

В «ПИКТОНЕ» ЦАРИЛА АТМОСФЕРА радости по поводу грядущих весенних каникул, однако я не разделяла всеобщий энтузиазм по этому поводу. Завтра мне предстояло покинуть дом, который я так любила. Дом, в котором я прожила всю жизнь. И почему? Потому что мои родители, которые, я уверена, все еще любили друг друга, не смогли найти общий язык и забыть взаимные обиды. Дойдя до школы, я пулей помчалась в кабинет испанского, забежав туда вместе со звонком. Я была в напряженном предвкушении собственной презентации. Пока я рассказывала, миссис Эрнандес смотрела на меня с гордостью, даже слегка приподняв голову: она всегда смотрела на меня так, когда я говорила по-испански. За все годы она хвалила меня больше, чем все учителя вместе взятые. Я была так погружена в свой рассказ, что три минуты пролетели как одно мгновение. Закончив презентацию под аплодисменты класса, я неловко улыбнулась. Миссис Эрнандес жестом подозвала меня к себе, как вдруг я заметила кого-то около ее стола. Это был тот парень, Джоэл, который ходил со мной на английский и спал во время урока и которого считали наркоторговцем. Я вспомнила, что краем глаза видела, как он входил в класс во время моей презентации.

– Молодчина, Зэй! – воодушевленно сказала миссис Эрнандес. – А сейчас иди, куратор хочет поговорить с тобой. Джоэл тебя проводит.

Я взглянула на Джоэла. Ого, он и вправду не спит, и его капюшон откинут. У него были светло-русые волосы и маленькие ониксовые серьги в ушах. Он даже не взглянул на меня, просто молча вышел в коридор, и мне пришлось последовать за ним. Мы шли, не проронив ни слова. Обычно в подобной ситуации я завязываю разговор, но, когда мы вышли из класса, на меня вдруг снова накатило уныние. Доведя меня до кабинета куратора, миссис Кроули, Джоэл так же молча удалился. Пожилая женщина сняла очки и улыбнулась мне.

– Зэй Монро, заходи.

Она жестом указала мне на стул напротив ее стола, и я села. В комнате воцарилась тревожная тишина, длившаяся несколько секунд, пока она осматривала меня, а я – вдохновляющие плакаты на стенах ее кабинета, гласившие: «Говори по делу», «Мечтай и дерзай».

– Твоя мама позвонила мне и объяснила вашу ситуацию.

Прекрасно. Куратор говорила спокойно, но это меня отнюдь не успокаивало. Мне тотчас же стало не по себе. Она выдержала паузу, очевидно, ожидая моей реакции, так что я сдержанно кивнула.

– Не важно, что разводом в наши дни никого не удивишь, это всегда нелегко.

– Они не разведутся, – выпалила я. – Просто временно проживут раздельно.

Я знала, насколько наивно звучали мои слова. В глазах миссис Кроули читалась жалость, будто бы я была дурочкой. От осознания этого мне хотелось закричать и броситься прочь из кабинета.

– Что ж, никогда не знаешь наверняка, – продолжала она. – Я понимаю, что это очень личное, и знаю, как тебе тяжело. Если тебя что-то тревожит, можешь рассказать мне об этом.

– Нет.

Пожалуй, стоило притвориться, что я задумалась, а не рубить сплеча, поскольку она вновь жалостливо взглянула на меня, чем сконфузила еще больше. Что еще хуже, я произнесла самую лживую фразу на свете: «Все в порядке».

Она лишь глубокомысленно хмыкнула. Хотела бы я посмотреть на нее, если бы я со всей силы ударила кулаками по ее столу.

– Мне кажется, во времена, когда нам особенно тяжело, лучший выход – просто смотреть вперед. Что ты собираешься делать после школы? Планируешь поступать в колледж этой осе-

нюю? Если да, то ты уже сейчас могла бы заняться поиском вариантов. Прозондировать обстановку, заполнить заявления. Это могло бы тебя отвлечь.

Бр-р. Понятия не имею, что я буду делать после школы. Знаю, звучит дико, учитывая, что заканчиваю выпускной класс в средней школе, но это один из немногих вопросов, способных вывести меня из себя. Кензи хочет пойти в колледж имени Джеймса Мэдисона, как и ее мама когда-то, и стать учителем биологии. Лин уже составила список мест, где она могла бы изучать экономику и предпринимательство. Монике нравятся маркетинг и связи с общественностью. Они все твердо знали, кем хотели бы стать в будущем. Мне же были интересны языки, так что, когда меня спрашивали, кем бы я хотела стать, я бодро говорила, что учителем испанского, просто чтобы отстали с расспросами. На самом же деле меня совсем не прельщала перспектива каждый день вещать, стоя у доски. Честно говоря, я хотела, чтобы после этого года мне никогда бы не пришлось вновь вернуться за парту. Этого я не говорила никому и никогда. Разве я лузер, если не хочу идти в колледж?

Я хотела путешествовать и изучать другие языки. Я было подумала пойти учиться на переводчика, но оказалось, что везде для поступления требуются оценки выше, чем были у меня. Другим вариантом было стать трэвел-блогером, показывать людям мир и другие культуры на ютьюб-канале, но для этого требовался стартовый капитал. Я продолжала тешить себя мыслью, что времени, чтобы определиться, у меня предостаточно, но в такие моменты, как разговор с миссис Кроули, понимала, что времени оставалось все меньше и меньше.

– Хорошо. Спасибо. Я попробую.

Я выдавила из себя фальшивую улыбку, и она прищурила глаза, словно включился ее внутренний детектор лжи.

– Если тебе вдруг понадобится поговорить с кем-нибудь, не стесняйся, приходи ко мне в любое время.

– Конечно, мэм.

Я встала и направилась к двери, прежде чем она успела еще что-нибудь сказать. Когда я вышла, Джоэл сидел на стуле в коридоре, головой прислонившись к стене. Капюшон был поднят, а глаза закрыты. Я уже практически прошла мимо, как вдруг услышала его голос:

– Хорошая презентация.

От удивления я обернулась. Он даже не смотрел на меня, его глаза были по-прежнему закрыты.

– Моя? – все, что я смогла произнести, оторопев.

Он улыбнулся, приоткрыл один глаз и ответил:

– Si.

Так вот оно что, он говорил об уроке испанского.

– Спасибо, – сказала я, шмыгнув носом. Так неожиданно.

Он снова закрыл глаза, и мне осталось только удалиться. Стоило спросить его, был ли сегодня очередной стих про мой любимый сок. Хотя, наверное, он, как всегда, спал.

Вернувшись домой, я нашла Зебби там же, где он был, когда я уходила, – на диване. Я уселась рядом, и мы бесцельно сидели перед телевизором, пока мама не вернулась с работы. Она устало опустила тяжелую сумку на пол.

– Зеб, почему ты сегодня не отвечал на звонки? Я целый день на нервах!

Она подошла, скрестив руки на груди, и, грозно нахмутив брови, посмотрела на брата. Он же повернулся ко мне. Ах да, черт возьми.

– Я забыла оставить ему телефон, – призналась я.

Стационарного телефона у нас не было. На мгновение я почувствовала себя виноватой, ведь мама волновалась, а брат не мог никому позвонить в случае чего, но это чувство быстро ушло, ведь все было в порядке, поэтому я просто пожала плечами. Мама сверлила меня взглядом, сжав губы.

– Ну что? – раздраженно огрызнулась я. – Ничего же не случилось. Может, пора уже купить ему телефон?

Я понимала, как грубо и обидно прозвучали эти слова, и приготовилась к тому, что она мне ответит или даже влепит пощечину. Однако ничего этого не последовало, более того, мама выглядела так, будто боялась меня.

– А может, тебе следует следить за языком, пока я не отняла у тебя этот дурацкий телефон насовсем?

Так себе угроза. Под стать ее усталому и дрожащему голосу. В этот момент я почувствовала свое превосходство над ней – чувство, которое было мне чуждо до сей поры, но которым я ввиду своего гнева наслаждалась.

И все же мне не очень хотелось лишиться телефона как раз перед весенними каникулами хотя бы и на день, поэтому я невнятно проворчала: «Прости», – да еще так, что было очевидно, что я абсолютно не жалела о том, что сказала. Мама покачала головой и устало вздохнула, отвернувшись. Боже, в последнее время мне становится мерзко от того, как я себя веду, но другая часть меня вопила, что я имею право злиться на тех, кто разрушил мою жизнь. Я чувствовала себя грязной после нашего разговора, поэтому поспешила в душ. Проходя мимо кухни, я заметила, как мама доставала из пакета ингредиенты для супа тако – моего любимого, и у меня свело живот от чувства вины.

Последняя ночь в нашем доме была самой грустной ночью в моей жизни. Наши кровати были разобраны и стояли в коридоре вдоль стен. Мы с Зебби спали на надувном матрасе в моей пустой комнате, завернувшись в спальные мешки. Мы жевали попкорн и играли с карманными фонариками. Ему захотелось послушать страшную историю, так что пришлось поискать ее в интернете. В итоге она оказалась настолько дурацкой, что мы оба залились истерическим смехом. Этот смех был следствием глубокого стресса, который мы переживали, чем-то средним между смехом и плачем, и смеялись мы потому, что плакать за последние дни попросту устали. И все же как только Зеб уснул, окруженная лишь звенящей тишиной и пустыми стенами, я заплакала.

Весенние каникулы

Глава девятая

БУРЛЯЩЕЕ, ВСЕПОГЛОЩАЮЩЕЕ ЧУВСТВО гнева. Вот что я испытывала, стоя в нашей тесной квартире в первый день весенних каникул, силясь понять, как мы до этого докатились. Утром мы устроили небольшую распродажу вещей, которые не могли взять с собой. Все, что осталось, мы передали в благотворительный фонд «Гудвилл», поскольку арендовать контейнер для хранения нам не позволяли финансы. Отныне в нашем жилище царила атмосфера абсолютного минимализма, во всех смыслах. В ушах гремела музыка из наушников, пока я со злостью разрывала коробки с вещами в нашей с Зебби комнате. Мама сказала, что мы могли бы продать мою кровать и купить раскладушку, чтобы нам не спать на одной кровати, но Зеб ответил, что вполне может спать на диване в гостиной, на ночь предоставляя комнату в мое полное распоряжение, что было очень благородно с его стороны. Его одежда и все остальное находилось в комнате. Поскольку места для отдельных шкафов у нас не было, свои вещи мы хранили в ящиках под кроватью. Как же меня все бесит.

Мое сердце подпрыгнуло при звуке эсэмэски.

Кензи: Ты точно не сможешь прийти сегодня?

Вечеринка у Джека Райнхарта. Сегодня я не в настроении тусить.

Я: Уверена. Прости, дорогуша. Веселитесь.

В ответ она прислала плачущий смайлик.

Вынув наушники, я направилась в ванную и случайно услышала разговор Зебби и мамы в ее комнате.

– Почему я не могу помочь ему с переездом? – спрашивал Зеб.

– Милый, папе не нужна твоя помощь, он справится сам.

– Ну ладно. А когда мы с ним сможем увидеться?

– Может, в следующие выходные?

– Целую неделю ждать?

– Зайка, ему нужно время, чтобы обустроиться. В мамином голосе явственно слышалась усталость, будто бы она сама хотела, чтобы всего этого не было. Она всегда была сильной, но очень эмоциональной женщиной. Я понимала, как ей тяжело переживать случившееся, но все равно не могла прекратить злиться на нее. Она допустила, чтобы это случилось. Зеб вздохнул и выбежал из комнаты. Он чуть меня не снес, если бы я вовремя не нырнула в ванную.

В половине одиннадцатого мне пришло новое сообщение. На этот раз от Моники.

Боже мой. Тут такое. Джон порвал с Лин. Она в истерике.

Вот дерьмо. Бедняжка Лин. Все, кроме нее, понимали, что это было неизбежно, и все же было жалко ее. Я позвонила Моники, в трубке гремела музыка.

– Зэй, как жаль, что ты не с нами.

– Ее нужно увести оттуда, – сказала я Моники.

– Я хотела, но мы все выпили, а Джон должен был развозить нас по домам.

Дерьмо в квадрате. Я была нужна своим девчонкам.

– Я заеду за вами.

– Вот здорово! – раздался в трубке возглас облегчения. – Обожаю тебя.

Наспех я собрала кудряшки в аккуратный хвостик, сменила широкую футболку на черную и облегающую и запрыгнула в обтягивающие джинсы. Я надела босоножки со стразами, хотя ночной воздух был уже прохладным. Жаль, что не осталось времени накраситься.

Захватив сумочку, я пошла к маме, предупредить ее, куда я собираюсь. Я понимала, что она вряд ли оценит мой порыв, но мама всегда давала мне много свободы, плюс на руку мне играло ее чувство вины. Уже подойдя к двери, чтобы постучаться, я услышала, как она очень тихо, но эмоционально разговаривает по телефону. Я приникла к двери и внимательно вслушалась. Мама лежала на кровати с красными глазами и выглядела как будто постаревшей.

– ...Я не собираюсь лгать ради тебя, Зандер. Наберись сил и расскажи им все сам, иначе расскажу я!

Что рассказать? Сердце сжалось в груди. Я дважды постучалась и открыла дверь. Мама уже не говорила по телефону, и несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

– Что такое, Зэй? – спросила она.

– Что там с папой?

Она моргнула и попыталась принять как можно более непринужденный вид. Я решила смягчить тон.

– Пожалуйста, мам, скажи правду.

В ее глазах отражалась внутренняя борьба.

– Я бы хотела, чтобы он сам вам все рассказал. Дурное предчувствие не давало сердцу успокоиться, и оно продолжало стучать как бешеное.

– Пожалуйста, скажи.

Она тяжело сглотнула. Было похоже, что каждое произнесенное слово приносило ей адскую боль.

– Ваш папа... помнишь, я говорила, что он будет жить с еще одним квартирантом? Так вот, это не совсем обычный квартирант.

Пытаясь понять, что кроется за этим уклончивым ответом, я прокрутила в голове десятки возможных вариантов и остановилась на худшем из них.

– Он будет жить с другой женщиной?

Я ждала, что она лишь усмехнется: «Конечно, нет», – но тщетно. Вместо этого мама грустно кивнула.

– Какой ужас... – прошептала я. – Ты имеешь в виду... они вместе?

И вновь мама лишь грустно кивнула. Мне стало трудно дышать. Папа изменял ей. Я потереяла уважение к мужчине, который был для меня примером, и это оказалось ужасно. Представьте, будто то, что вы когда-то очень любили, вдруг обернулось чем-то фальшивым и никчемным. Папа был ничем не лучше Уайли. Неужели никто из мужчин не может быть верным своей избраннице до конца?

– Милая, прошу тебя, не злись на него.

Что?

– Какого черта ты его защищаешь? – прошипела я, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на крик.

Мама закрыла глаза, опустив голову. Все, что я любила и ценила в этой жизни, обернулось прахом в считанные дни. У меня закружилась голова.

– Это сложно объяснить. Но он все равно любит тебя и Зебби.

Ну конечно. Так я и поверила.

– Только не говори Зебби, – взмолилась мама. Мысли путались в голове. Я неуверенно попятилась к двери.

– Мне нужно съездить забрать друзей с вечеринки. Их некому отвезти.

Она нисколько не удивилась.

– Не стоит тебе сейчас садиться за руль. Уже поздно, а ты расстроена. Они могут попросить своих родителей заехать за ними.

– Все в порядке. Если бы не переезд, я бы пошла вместе с ними и все равно бы развозила их.

Мама выглядела напряженной.

– Будь осторожней, Зэй. Ты взяла с собой перцовый баллончик?

– Да.

– Не задерживайся там допоздна. Довези их до дома и поскорее возвращайся.

Я не ответила и, развернувшись, молча рванула к выходу. Зеб заснул на диване прямо в одежде перед работающим телевизором. Быстро же он. С другой стороны, сегодня был тяжелый день. Я выключила телевизор и накрыла брата одеялом с его старой кровати. Он свернулся калачиком...

Выйдя из дома, вернее, из маленькой неуютной каморки, которую мы были вынуждены называть домом, я почувствовала, как во мне что-то изменилось. Это было неуловимое чувство, словно покров детства, плотно укутывавший меня до сих пор, внезапно исчез, оставив меня ни с чем. Внутри у меня бурлит ярость, горечью растекаясь по горлу. Родители не просто разъехались на время. Им вовсе не нужно никакое время, чтобы отдохнуть друг от друга. Папа ушел к другой женщине, ушел насовсем. И ничего уже не будет как прежде.

Глава десятая

ДОРОГА К ДОМУ ДЖЕКА заняла каких-то десять минут. По пути меня всю трясло. Я припарковалась напротив дома и перед выходом посмотрелась в зеркало: глаза не заплаканные, губы накрасила. Одним словом, я была готова к операции по обнаружению и спасению Лин от унижений и страданий. Причиной которых был, разумеется, парень.

Уверенной походкой я пошла по направлению к дому, жизнь в котором была ключом. В тот момент я думала обо всех парнях, причинивших боль мне и моим близким за все эти годы. Парням, которым было наплевать на нас, которых интересовали лишь собственные прихоти, но не наши чувства. Им было все равно, какую боль мы испытывали, они развлекались и тешили свое самолюбие за наш счет. И когда эти парни вырастут, они станут точной копией моего отца. Глупые, самовлюбленные создания. Им всем нужно преподать урок. Мы будем обращаться с ними так же, как они с нами. Попользоваться и выбросить.

Я вломилась в дом Джека с жадной отмицения в душе. Ребята окликали меня по имени и радостно кивали мне при встрече, но у меня была четкая установка найти моих девчонок в этом хаосе. Благо это не отняло много времени: все трое оказались в ванной, запершись изнутри, что было не по нраву успевшей накопиться очереди у двери. Я постучала и крикнула им, чтобы меняпустили. Когда я вошла, опухшее и красное от слез лицо Лин повергло меня в шок: оно было поразительно похоже на лицо моей мамы. Дав подруге руку, я решила как можно скорее вывести ее из ванной. Она упрямилась.

– Я никуда не пойду!

Боже мой! Судя по голосу, она была совсем пьяна.

– Ну хорошо, давай тогда просто выйдем подышать свежим воздухом. – С этими словами я повела Лин на террасу на заднем дворе.

Мы вчетвером забились в уголок, и я с силой прижала подругу к себе, пока она рыдала, спяну заваливаясь на меня. Через ее плечо я видела широко раскрытые глаза Моники и Кенз, сообщавших мне, каким кошмаром обернулась эта вечеринка.

– Знаешь, какой лучший способ отомстить ему? – спросила я Лин.

Она продолжала всхлипывать.

– Двигаться дальше, – продолжала я.

Странное чувство. Вот вроде я дала ей этот дельный совет, а сама уже неделю ходила как разбитое корыто из-за своего парня.

– Я не хочу двигаться дальше, – всхлипнула она.

– Знаю, но он не заслуживает тебя, так же как и Уайли не заслуживал меня.

– Как тебе удастся быть такой сильной? – спросила она.

– Я не сильная, – отрезала я. – Просто сейчас я по-настоящему разозлилась.

Это фраза заставила ее улыбнуться. – Можно я еще чуть-чуть выпью?

– Нет, – хором ответили мы втроем, из-за чего Лин недовольно надула губки.

Шумная компания парней вышла из дома, смеясь и громко ругаясь. Сигаретный дым окутал нас с девчонками.

– Ого, смотрите, – зашептала Моника. – Это же Рекс Морино, известный бабник.

Я обернулась и оглядела компанию. Действительно, Рекс Морино стоял в самом центре, подперев стену, одной рукой облокотившись на перила, а в другой держа сигарету большим и указательным пальцами. Четверо его неряшливого вида друзей стояли вокруг. Я точно знала, что один из них был малолеткой, а другой не из нашей школы. В прошлом году Лин и Моника запали на Рекса, и совсем напрасно. Он заигрывал с ними обеими на уроках. На целых полгода в нашей дружбе произошел разрыв, и все из-за этого дурака.

Я не успела вовремя отвести взгляд, и Рекс заметил, что я смотрела на него. Его глаза были чернее ночи и наполовину закрыты выкрашенной в тот же цвет челкой. Они все были на удивление патлатыми. В школе я всегда старалась быть милой со всеми ребятами, но этих остерегалась. По необъяснимой причине они пугали меня. Рекс Морино кивнул мне и ноздрями выпустил дым.

– Ты что-то хотела, красотка?

Вся его компания обернулась посмотреть, к кому он обращался, и дружно захихикала. Девчонкам стало не по себе от их пристальных оценивающих взглядов.

– Пошли отсюда, – прошептала Кенз.

– Нет, подожди, – ответила я, почувствовав прилив храбрости.

Скольким девушкам Рекс Морино причинил боль? Мне он тоже нравился в восьмом классе. Вряд ли он помнил, как мы танцевали на Снежном балу и он пообещал сбегать за кружечкой пунша для меня, а сам ушел через заднюю дверь с другой девчонкой. Он был моим наваждением на протяжении нескольких месяцев. Молилась, чтобы он взглянул на меня. Внимала любому слову, которое он говорил мне. Я искала подтверждения тому, что нравлюсь ему, и надеялась что то происшествие на балу было просто каким-то недопониманием.

Сейчас же я направилась прямо к нему, как будто меня что-то подтолкнуло... Его друзья расступились передо мной с усмешками на лицах. Я не чувствовала ни капли стеснения, безразличие придавало мне сил.

– Эй, что ты делаешь? – услышала я шепот Моники позади.

Но все, что я видела в тот момент, – Рекс Морино. Разбиватель сердец. Он тоже ухмылялся. Ему льстило, что я подошла к нему, а не покраснелась и не убежала.

– Осторожнее, детка, – произнес он, не отрывая от меня своих глаз, даже когда тушил сигарету о цветочный горшок. – Попробуешь меня – забудешь обо всех остальных.

Боже, что за позер. Остальные засмеялись, услышав эту глупую фразу, и он засмеялся вслед за ними. Понятия не имею, что на меня нашло, но было приятно стоять лицом к лицу с Рексом Морино и не бояться его. Удивить его. Быть центром внимания. Видеть, как он не может оторвать от тебя взгляд. Он плохиш. Неприкасаемый. Подойдя поближе, я увидела покрасневшие белки его глаз. Он был под кайфом.

– Ты что-то хотела? – снова спросил он, в этот раз более вкрадчиво и осторожно.

– Поцелуй, – просто ответила я, ощущая волнение во всем теле.

Один из его дружков присвистнул, но мы с Рексом продолжали смотреть друг другу в глаза, пока остальные смеялись над происходящим. Мой пульс участился, и это было приятное ощущение. Уже почти год я не целовала никого, кроме Уайли. На мгновение в душу закралось чувство вины, но я быстро подавила его. Я принадлежу лишь самой себе. Рекс не проронил ни слова. Он не улыбался, но и не нервничал. Его рука с татуировкой легла мне на затылок, он придвинул меня к себе, и наши губы соприкоснулись. В нескольких шагах от нас я слышала, как девчонки в шоке выкрикнули мое имя, но все мое внимание было сосредоточено на его мягких губах. Его умелые губы и язык считали меня своей. Я погрузила руки в густую копну волос Рекса от макушки к затылку, в то время как его руки скользили по моей талии к линии бедер. Затем он сжал их и притянул меня еще ближе к себе. Этот поцелуй был не похож на все предыдущие. Физическая близость волновала меня, при этом мои чувства были под контролем и не вырывались наружу. Прямо как у парней. Руки Рекса опускались все ниже, достигнув моей задницы, что послужило сигналом. Я осторожно убрала его руки и сделала шаг назад. Когда он недоуменно уставился на меня, настал мой черед ухмыльнуться.

– Спасибо, – сказала я.

Его рот раскрылся от удивления. Девчонки и друзья Рекса смотрели на меня, как на привидение.

– Нам пора.

Девочки молча последовали за мной, и мы на автомате взяли друг друга за руки. Словно локомотив, я шла к выходу сквозь толпу, не останавливаясь ни на секунду. Когда мы наконец достигли входной двери, на меня посыпался град вопросов и возгласов, а девчонки прыгали вокруг меня, словно ошпаренные.

– Откуда взялась эта бесшабашность?

– Ты что творишь, Зэй!

– Совсем с ума сошла?

Впервые за всю неделю я от души посмеялась. Когда тебе на все наплевать, ощущение свободы пьянит.

– Девочки, мне кажется, настало время поменяться ролями.

Дойдя до машины, я встала, облокотившись на нее спиной. Все трое стояли передо мной с ошарашенным видом.

– Парни все время нас используют. Они много хотят и требуют, но ничего не отдают взамен. Они причиняют нам боль и лгут, делая из нас круглых идиотов. Не знаю, как вы, а с меня хватит.

– И как же мы меняемся ролями? – недоверчиво поинтересовалась Лин.

– Мы будем использовать их ради того, что любим больше всего, – улыбнулась я ей.

Они смотрели на меня в полном недоумении. Разве я недостаточно четко продемонстрировала свои намерения на примере самого отвязного парня, которого мы знали?

– Поцелуй! – уточнила я. – На этих весенних каникулах мы поцелуем столько парней, сколько сможем. Мы не будем влюбляться в них, не будем думать о них. Просто будем целовать, сравнивать и наконец поставим их на колени.

Кензи захихикала, прикрыв рот.

– Гениально! – поддержала меня Моника.

По блеску ее глаз было понятно, что она уже рисовала в своем воображении наше маленькое приключение и предвкушала его. Луна освещала ее густые волосы цвета какао – наследие сальвадорских предков со стороны матери.

– Не думаю, что я смогу. – Лишь Лин проявила скепсис к моей затее.

Я подошла к ней и взяла за руки. Сегодня ей причинили боль, и в глубине души она до сих пор не могла признаться себе в том, что у них с Джоном все кончено. Но я знала, что Лин азартна, и решила сыграть на этом.

– У тебя получится, Лин. Мы устроим соревнование и посмотрим, кто из нас поцелует больше мальчиков до конца весенних каникул.

Девять дней. Кенз и Моника взвизгнули и захлопали в ладоши в полном восторге. Лин все еще смотрела неодобрительно, но это было явно из-за ее плохого настроения.

– Не знаю, не уверена, – промямлила она.

– Думай, пока есть время. А мы займемся пополнением своих списков. Если уж я смогла поцеловать Рекса Морино, ты сможешь поцеловать любого.

Ее глаза широко распахнулись после моих слов, ведь я задела ее гордость.

– Итак, наш турнир начался, – торжественно оповестила я. – И я уже вышла вперед.

– Эй, так нечестно! – завопила Кензи.

– Да, – подключилась Лин. – Рекс не считается. Мы же не знали, что соревнование уже началось! – Она едва не упала от возмущения и выпрямилась, положив руки на бедра.

Я улыбнулась, залезая в минивэн, потому что знала: теперь она тоже в игре. Моника протянула мне кулачок, и я слегка стукнула по нему своим, после чего мы развели пальцы, имитируя взрыв. Я повернулась к Лин.

– Итак, если поцелуй с Рексом не в счет, ты с нами?

– С вами, – сказала она, изобразив игривый взгляд.

– Так, а теперь всем пристегнуться, – улыбаясь во весь рот, велела я.

В закрытом пространстве я ясно чувствовала запах алкоголя, исходивший от них. Ремни безопасности щелкнули, и мы отправились в путь.

– Слушай, Зэй, – начала Моника, – я не совру, если скажу, что это было просто потрясно. Да ты просто поимела его! Видела бы ты его рожу, когда отвернулась и ушла!

Меня переполняла гордость.

– Он хорошо целуется? – спросила Кензи, придвинувшись ко мне с пассажирского сиденья.

– Да, – признала я. – Ну, если не считать привкус травки. Но техника у него изумительная. Он вел себя очень... уверенно.

Кензи вздохнула.

– Все еще не могу поверить, что ты впрямь поцеловала его, – сказала Лин. – Что ж, если я в игре, пора бы узнать, каковы же правила.

Я усмехнулась про себя, радуясь своей маленькой победе.

– Не целовать бывших друг друга, – выпалила Кензи.

Это и так было ясно.

– Не целовать парней, у которых есть девушка, – вставила Лин. – Нам не нужно, чтобы за нами потом охотились какие-то истерички, к тому же мы ведь не разлучницы.

– Это должен быть настоящий поцелуй. С языком. – Моника подняла брови.

– А будет считаться, если мы поцелуем одного и того же парня? – спросила Лин.

– Фу-у-у-у, – захихикала Кензи.

– Ну что? Это все равно что поделиться напитком, – улыбнулась Лин. – Я же не имею в виду, что мы одновременно будем целоваться с ним или что-то в этом духе.

– Конечно, в этом нет ничего такого, – подтвердила я. – Только помните, что мы всего лишь используем их. И никак иначе. Так что без обид друг на друга. Хотите поцелуй – берете, и все.

Мы вчетвером громко рассмеялись.

– Быть сильной, – сказала Моника, изображая удар рукой.

– Быть дерзкой, – прорычала Кензи.

Загоревшись этим девизом, мы как сумасшедшие начали скандировать и хлопать в ладоши: «Быть агрессивной! Быть агрессивной! АГРЕССИВНОЙ!» – и затем истерически засмеялись над собственной глупостью. Боже, если бы кто-то увидел это, мы бы все сгорели от стыда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.